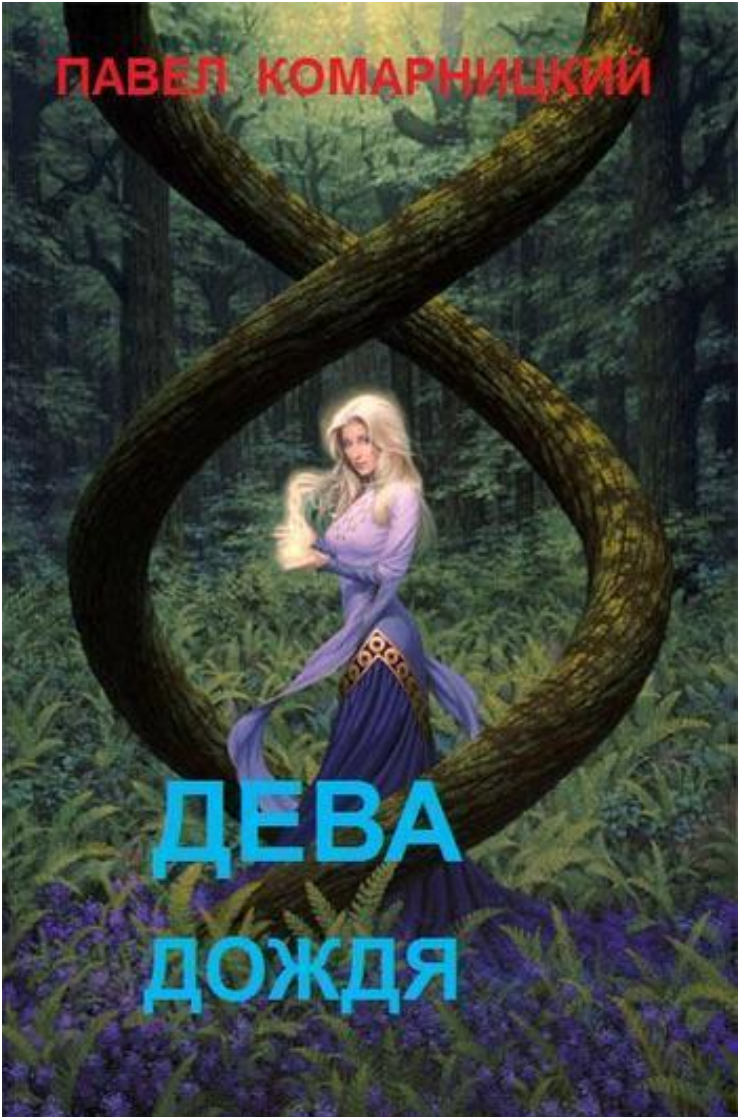
ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ
ДЕВА
ДОЖДЯ

Павел Комарницкий
Дева дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818895

Аннотация

Вереница сияющих и радостных Верхних Миров, через которые человек должен пройти на пути к совершенству.

Анфилада Нижних Миров, наполненных страхом и болью – словно гигантские ступени в небытие.

И земная юдоль как перекрёсток меж ними.

По какому пути придётся идти после того, как закончится бренное земное существование – каждый выбирает сам.

Но иногда упавшие в бездну всё же возвращаются. Если найдётся та, для которой любовь дороже жизни. Если она согласна заплатить непомерную цену. Если не побоится заживо идти во мрак Нижних миров.

Имя ей будет – Дева Дождя.

Павел Комарницкий
Дева дождя

Пулемёт хохотнул коротко и злобно, и человек в чалме, ринувшийся перебежкой из укрытия, отлетел прочь комком грязной ветоши. Гортанные вопли и беспорядочная пальба, было утихшие, взвились с новой силой, но Алексей повёл стволом «утёса», пулемёт словно рявкнул: «Молчать!!», и враги вновь затихли.

– Слышь, Толян… Ты вызываешь? – хрипло спросил Сашко, пристально вглядываясь в хаос каменных обломков, расстилавшийся перед ним, поверх верной «драгунки».

– Да вызываю, б…дь!

– Ну и шо? – за полтора года службы Сашко так и не избавился от сильного хохляцкого акцента.

– Чего – «шо»?! – Толян грязно выругался. – Я их слышу, меня нет…

– Так, може, ты не то шо робышь? Артура слышали жеж…

– Робят в колхозе! Всё я делаю, как учили!

Алексей покосился налево. Там, на солнцепёке, лежало тело, укрытое с головой брезентом. Эх, Артур… Хороший был парень, если разобраться, даром что москвич. Гонор имел неслабый, конечно, это у москвичей в крови – за то и с универа его попёрли… Но не гнилой внутри. Был…

Резко хлопнула снайперская «драгунка», спустя несколько секунд, словно эхо, вернулся ответ в виде новой серии воплей и трескучих очередей. Несколько пуль с визгом прошлись по камням, плотно уложенным в бруствер, и Алексей вновь нажал на спуск «утёса», «успокаивая пациентов», как любил выражаться капитан Гранин. К АКМам на таком расстоянии душманы относились пренебрежительно, и даже снайперской винтовки опасались не слишком. Но крупнокалиберный пулемёт определённо внушал им почтение – вон, даже трупы своих подбирать не пытаются, чтобы не подставляться под жуткое порождение гяуров, способное с километровой дистанции разнести голову вдребезги… а то и руку оторвать… вон, один такой бедолага лежит…

– Попал? – Алексей утёр пот с лица ладонью, не отрываясь от прицела.

– Да таки попал, – с ноткой довольства откликнулся Сашко. – Ось, бач, шевеленье тама за камешками… Не наче, отпевают по-скорому муджахеда своего…

– Молоток, коль попал. Одним меньше, нашим легче.

– Вот жеж и я про то.

Да, Артур… Верно говорят, «пуля – дура». Шальная ведь, совершенно по-глупому прилетевшая снизу, невозможно прицельно стрелять вверх по склону ни из АКМ, ни из М-16, да ещё с такой дистанции… Чуть высунулся ефрейтор Заречный, и на тебе…

Алексей криво усмехнулся. Да, пуля – дура. И, как всякая

дура, особенно любит умных парней.

– … Пятый, пятый, я точка девять! Пятый, ответь, пятый! – продолжал взывать к эфиру Толян, крепкий чернявый парень, чем-то похожий на обитателя кавказских гор. Кое-кто из кавказцев даже пытался говорить с ним то по-грузински, то по-азербайджански, принимая за кунака, однако Анатолий был «земеля», и мать его, и отец обитали где-то в славном городе Рязани… Игра генов, или наследие монгольского ига, чернявость эта… ну или папка не углядел за мамкой, но про такое вслух товарищу по оружию не говорят…

– Толян, что у тебя? – Алексей вновь утёр пот.

– Хрен его знает… Пашет на всю катушку, если по индикатору смотреть, а не слышат…

– Может, у них там?..

– Да не… Другие ж базарят, я отлично слышу.

– Давай, время, время!

– Пятый, пятый, я точка девять! Пятый, ответь, пятый! – вновь забормотал Толян, словно магическое заклятье. Да, точно – словно магическое заклятье, способное рассеять злые силы и оградить от лютой смерти… Сможет?

«Нет» – словно всплыл в голове холодный чужой голос. Сердце пропустило один удар – всего один. Алексей криво усмехнулся. Глюки пошли – водку экономим, как говорит капитан Гранин. Хорошо, что мы в тени, а каково Артуру на солнышке… и ещё хуже Васо и Ринату… Чушь. Мёртвым

всё равно. Им уже не бывает ни хорошо, ни плохо…

«Бывает» – вновь всплывает в голове холодный, бесплотный голос. Да что же это такое?!

– Дело дрянь, старшой, – Толян прекратил терзать рацию. – Модуляции нет. Только сейчас врубился.

Вдоль спины пробежал неприятный холодок.

– Уверен?

– Отвечаю. Идиот, что раньше не въехал.

– Ну и? Вскрывай шарманку.

– А толку? Командир, я не сумею. Может, Артур бы чего и залепил…

– Лёшик, а дело жеж точно дрянь, – Сашко сглотнул вязкую слюну. – Якщо каждый ишак у «духов» знае – напоровся на пикет, делай ноги, покуда «вертушка» не прилетела… Не, сидять, ждуть. Чего ждуть?

– Сашко прав, старшой, – Толян, он же младший сержант Жмыхов, смотрел на россыпь каменных глыб, укрывавшую душманов от гнева «корда», сквозь узкую бойницу, образованную двумя валунами. – Эфир они слушают, б…ди. Знают, что мы немые. Вот и борзеют… – и солдат выругался совсем уже трёхэтажным матом, обычно используемым русскими людьми от явного бессилия.

– Не борзеют они, Толя, – медленно, ровно произнёс Алексей слова, будто бы и не свои. – Что немые, это им на руку, не спорю… Караван они ждут. А иначе бы хрен тут сидели.

Воцарилось молчание. Холодок теперь гулял по спине

непрерывно, невзирая на жару. Что-то копилось внутри, вызревало…

– Уходить надо, Горчила, – наконец нарушил молчание Толян, называя сержанта Горчакова прозвищем, данным ещё в учебке. – Если караван, там точно миномёты… и безоткатки…

– И того и другого, и можно без хлеба, как говорил Винни-Пух! – оскалился Алексей. – Разуй глаза, Толя. Куда уходить? Чтобы нас как Васо и Рината?.. Ты вот что, берись за рацию. Курочь как хочешь, но связь чтоб была! «Вертушку» надо, здесь и сейчас, понял?!

– Да понял…

И снова все замолчали. Алексей оглядел панораму, раскинувшуюся перед огневой позицией. Да, как Васо и Рината…

Ещё полчаса назад рядовые Советской Армии Васо Гонгадзе и Ринат Аплаев были живее всех живых, как говорит всё тот же капитан Гранин. И, верно, были бы живы до сих пор, если бы командир, памятуя о том, что запас карман не тянет, не послал их за водой к чахлому полузасушенному ручейку, струившемуся неподалёку. Да, были бы живы – вон ещё почти целая канистра с водой стоит, хватило бы…

Они всё-таки успели набрать воды и уже возвращались обратно, когда на них наскочили «духи». Очевидно, они тоже не рассчитывали встретить гяуров в столь безлюдной местности, иначе не потеряли бы полтора десятка своих…

Сейчас Васо и Ринат лежали на склоне сопки, где обосно-

вался «пикет» под командованием сержанта Алексея Горчакова, и были похожи на брошенных кукол, что надевают на руку в театре для малышни… Ещё чуть ниже валялись как попало трупы душманов. Как будто проезжавший мимо безумный кукольник, этакий исполинский Карабас-Барабас, рассыпал реквизит и поленился собрать… Не нужен?

«В точности так» – снова звучит в голове бесплотный змеиный голос. Да что же это, в конце концов…

«Ты кто?»

Пауза. Долгая пауза, будто бы тот, кому принадлежал бесплотный голос, раздумывал – а надо ли вообще вступать в дискуссию?

«Конвоир»

«Кто?!» – теперь сержант Горчаков был почти уверен, что сдвинулся по фазе. Ничего особенного, кстати – постоянные стрессы, адский афганский климат… вот и созрел пациент… Какая досада…

«Смерть, если так тебе понятнее. Я пришёл за вами»

Странно, но после этих слов паника в душе отчего-то улеглась. Все фишки легли ровно, как говорит капитан Гранин. И ощущение внутри стало простым и понятным, и холодок, гуляющий по спине… Не то, чтобы Алексей Горчаков был человеком верующим, он даже в церкви был только раз. Но и кондовым атеистом не был.

Вот как, значит, это бывает…

Алексей оглядел боевую позицию, старательно сооружён-

ную на вершине безымянной сопки-горушки – таких в Афгане миллион… Кольцевой бруствер из плотно уложенных камней придавал позиции сходство с маленьким лунным кратером. Обломок скалы, дававший скудную тень в послеполуденные, самые знойные часы, делал импровизированную крепость даже относительно комфортной, по выражению Артура. Капитан же Гранин, как всегда, был краток. «Вот ваше гнездо, орлы. Боевая задача – сидеть тут молча и парить яйца. И чтобы ни одна змея мимо. Чуть что, вызываем «вертушку». Вопросы есть?»

Тогда вопросов не возникло. Не то, что сейчас…

«Ещё кто слышит?»

Пауза.

«Нет. Только ты» – шелестит в голове бесплотный голос.

«Толяна оставь. И Сашко, мать у него не переживёт…»

Пауза.

«Вас трое и ещё один… из тех»

«Оставь! Сашко хотя бы!» – Алексей почувствовал прилив бессильного бешенства, едва не выкрикнув слова вслух.

«Нет. Вас трое и один из тех. Спор бесполезен» – холодной змеёй проползает в голове.

«Ну я прошу… ну молю…»

«Не ко мне»

Грохнул выстрел, звякнула о камень пустая гильза.

– Ось воны, голубцы… Караван, Лешик, – Сашко вновь припал к прицелу своей СВД. – Эх… Усё. Попряталыся, га-

дюки…

Он наконец оторвался от наглазника прицела, оглядел товарищей. На лице снайпера отчего-то гуляла едва заметная, чуть смущённая улыбка.

– Я его с тысячи двухсот сделал, ребята. Ходячего, да меж каменюк, прикиньте ж… – в голосе ефрейтора Олександра Берестеня слышалась законная гордость мастера.

– Ты молодец, Сашко, – ответно чуть улыбнулся сержант.

Толян, отложив рацию, которую всё-таки успел вскрыть «без всякой пользы для отечества», по выражению капитана Гранина, со вздохом взял прислонённый к скальному обломку РПК, откинул сошки.

– Не сделал я связь, Лёха. Прости.

– Бог простит, Толя, – и ему тоже улыбнулся сержант Горчаков. – Держаться придётся нам, ребята…

И в этот момент от каменной россыпи, где змеями затаились «духи», послышался характерный хлопок, сменившийся нарастающим противным визгом. Очевидно, моджахеды успели установить миномёт под прикрытием какого-то крупного валуна.

Первая мина легла довольно далеко, «воины аллаха» не отличались высокой выучкой. Но это уже не имело особого значения. Говорят, настоящий мастер-миномётчик попадает в неподвижную цель с первого выстрела. Таких мало, правда… Просто хороший попадает со второго, а уж с

третьего выстрела должен попасть любой.

И, словно подтверждая размышления сержанта, вторая мина грохнула позади позиции – «духи» пристреливались, беря гяуров в классическую «вилку».

«Время вышло» – шелестит в голове холодный бесплотный голос.

На сей раз мерзкий визг, буквально сверливший уши, оборвался не взрывом – полной тишиной…

* * *

С утра шёл дождь, мелкий и нудный, но до вечера его не хватило, и сейчас над городом просто стояла зыбкая осенняя хмарь. Троллейбус пробирался сквозь эту хмарь, недовольно завывая мотором, как будто бездушную машину тоже окончательно достала окружающая гнусная действительность. Марина стояла и смотрела в окно, мутное от грязи, её толкали, прижимали к поручню задней площадки – она не обращала внимания. Господи, да что ж так тяжело-то сегодня на душе…

Настроение с утра было под стать погоде, разве что слёзы из глаз не катились. Всё валилось из рук, голова была пустой и в то же время тяжёлой, точно бабушкина чугунная кастрюля. С огромным трудом удалось собрать себя для поездки в университет, умыть и накрасить, и всё это время её не покидало странное ощущение – будто она, Марина Кострова,

невидимая и бесплотная, стоит рядом с собственным телом, которое совершает какие-то действия: напяливает колготки, красит губы, суёт в сумку конспекты… В общем, живёт полноценной жизнью, как шутил Алексей…

Глаза вновь наполнились слезами, и Марина прикусила губу, не заботясь о сохранности помады. Эх, Лёшик, Лёшик… Говорили тебе папа с мамой – учись, учись! И она, Марина, говорила. Нет, и так умный…

Собственно, поначалу всё не казалось таким уж фатальным. Ну, завалил экзамен, с кем не случается. Ну, оттрублю два года и вернусь, как тонко подмечено в песне. Чего ты, Марин? Улыбнись, Маришка-шишка! И она послушно улыбалась, и давила в себе сомнения. Действительно, ведь служат же другие парни, и ничего…

И потом, когда радио невнятно бормотало чего-то про «интернациональный долг» и «ограниченный воинский контингент», ей удавалось обманывать себя. Наверное, так обманывает себя раковый больной, внутри которого копится, растёт неясное тягучее чувство, ещё не ставшее жуткой болью. Ну, долг так долг, что делать… Но ведь контингент ограниченный? С чего ты взяла, дурочка, что из всех частей необъятной и могучей Советской Армии твой Лёшик окажется именно в этом самом контингенте?

И даже когда пришло письмо, недвусмысленно свидетельствовавшее, что сержанта Алексея Горчакова угораздило загреметь в этот самый злосчастный контингент, ей удавалось

не верить. Так уж устроен человек. Да, есть в мире беды и несчастья, но мне-то за что? Нет, нет, только не со мной!

Какой-то сопливый шкет лет двенадцати-тринадцати, не в меру раззадоренный первым всплеском гормональной активности, пристроился сзади и полез рукой под юбку. Не оборачиваясь, Марина перехватила руку озабоченного отрока и сильно ущипнула. Шкет сдавленно пискнул и отвалил, затерявшись в аморфной людской массе, наполнявшей троллейбус. Испытанный приём, всегда выручавший в таких случаях. Вообще-то пора бы уже и привыкнуть – каждая не слишком страшная и притом одинокая советская девушка, носящая мини, может быть подвергнута ощупыванию советскими же гражданами противного пола самого различного возраста, прямо в советском общественном транспорте, по народной традиции набитом в часы пик подобно бочке с сельдями… Но сегодня это оказалось последней каплей.

Она вышла на первой же остановке и побрела прочь, стараясь держаться ровно. Жёлтые листья шуршали под ногами, каблуки то и дело чиркали по асфальту стальными набойками. Прохожие провожали взглядами высокую стройную девушку, идущую, словно сомнамбула, глядя прямо перед собой невидящим взором. Пьяная? Нет, непохоже…

Он не вернётся. Невозможно и далее обманывать себя – Алёшка не вернётся из этого Афганистана, где уже немало ребят отдали неизвестно кем повешенный на них интернациональный долг. Конечно, этого не услышишь в «новостях»

по ящику, но слухи ходят самые мрачные. Такие же мрачные и глухие, как те оцинкованные ящики, приходящие заграничные «посылки»… Девушка вновь закусила губу – чтобы больно, чтобы в кровь! Дура, дура! Кто же оплакивает живого, дура, так же нельзя, гони прочь такие мысли!

Не помогло. Наверное, так чувствует себя всё тот же раковый больной, которому доктор, не глядя в глаза, выписывает морфий. И даже ушлая целительница-знахарка, шмыгая носом и вздыхая, протягивает обратно пачку замусоленных купюр.

Октябрьские сумерки тихо и незаметно скрадывали цвета, превращая красные и жёлтые палые листья в серые клочки бумаги. Мир выцветал, теряя плоть, стихали звуки, и прохожие, уже довольно редкие в глубине жилмассива, скользили мимо на удивление бесшумно, точно привидения. И вновь странное ощущение всплыло откуда-то из глубины – живая кукла бредёт по асфальту, а рядом невидимо движется нечто, ещё вчера бывшее Мариной Костровой… Бывает ли тот свет, или это всё «фрагменты суеверий», как выражается её родной папа?

Марина остановилась перед самыми ступеньками, разглядывая угрюмый зев подъезда. Надо же… Дошла и не заметила. Тело, как выяснилось, само способно находить дорогу домой…

В квартире царила тьма, вязкая и липкая, точно чернильная паста из авторучки. Марина включила свет повсюду, но

тьма не ушла далеко – изгнанная из квартиры, она копилась за окнами, медленно наливаясь чернотой. По спине пробежала холодная ящерка – так вдруг отчётливо представилось, как тьма выдавливает оконные стёкла и торжествующе вливается в жилище, и хозяйка барахтается в непроглядном мраке, захлёбываясь неощутимо-безвоздушной дрянью, которой нет названия…

Девушка задёрнула все шторы, отсекая себя от заоконной тьмы. Стало чуть легче. На столе белела записка, сообщающая, что отец и мама задержались на даче и будут поздно, а если не будут, то не нужно беспокоиться, завтра суббота и суп в холодильнике…

Телефон грянул внезапно, как автоматная очередь в упор. Звонок был приглушен, отчего аппарат издавал не звон, а какой-то сухой треск. Расширенными от ужаса глазами Марина смотрела на требовательно стрекочущий аппарат. Нет… нет, это подружка… или тётя Зина из Куйбышева звонит… да кто угодно звонит, и что угодно хочет сказать… но только не ЭТО!!!

Наверное, она бы так и не сняла трубку всё никак не унимавшегося аппарата, но тело, уже привыкшее за день к самостоятельности, самовольно протянуло руку…

– Да… – сейчас никакая экспертиза не признала бы в этом голосе Марину Кострову.

– Марина!!! Ой, Мариночкааа!!! – завыла трубка голосом тёти Нади, Алёшкиной мамы. – Лёшу нашего убилииии!!!

Тьма, которой наскучило наконец бесплодное ожидание за окнами, торжествующе ворвалась в квартиру, затопила всё, закружила и понесла…

* * *

Холодно… Надо же, как холодно… Почему так холодно, ведь только что было жарко?

– Идёт выравнивание и конденсация, – голос явно чужой, незнакомый. Но говорит по-русски чисто, без акцента. – Сейчас всё пройдёт.

Алексей открыл глаза и обнаружил себя лежащим на камнях «в позе эмбриона». Без малейших признаков одежды и обуви. Ну, ёшкин кот, он же не салага, для таких-то шуточек… сержант уже… нет, что-то с ним не то… что именно?

– Вставай, – произнёс тот же незнакомый, странно шипящий голос. – Ты готов, я вижу.

Сержант медленно сел, потом встал, озираясь. Неподалёку маячил странный тип, здорово напоминающий обликом какого-то монаха-инквизитора, что ли – длинное тёмное одеяние с капюшоном, глубоко надвинутом на глаза.

– Ты кто? – собственный голос Алексея тоже звучал странно, как будто через микрофон.

«Монах» повернул к вопрошающему голову. Лица под капюшоном не было.

– Я тебе уже говорил. Я Конвоир.

В памяти немедленно всплыло – шелестящий бесплотный голос, возникающий где-то внутри головы. «Я пришёл за вами»…

И нарастающий визг мины.

Умные учёные люди утверждают, что человек способен изумляться до определённого предела, при переходе коего срабатывает некий внутренний предохранитель, и наступает спокойствие. Именно в таком состоянии находился сейчас сержант Горчаков. Стоял себе и рассматривал собственную смерть, явившуюся за ним персонально…

– Ты слишком высокого мнения о себе. Я каждый день и каждую ночь отправляю множество таких, как ты.

Алексей кивнул, принимая к сведению. Ну отправляет и отправляет… Куда именно? В ад? В рай? Или в это… как его… чистилище?

– Ты сильно упрощаешь, – очевидно, владелец капюшона улавливал невысказанные слова с той же лёгкостью, что и произнесённые вслух. – Придёт время, ты всё вспомнишь и поймёшь. Если будет позволено.

В пяти шагах от бывшего теперь уже сержанта Горчакова внезапно заискрилось нечто напоминающее рой снежинок, на глазах густея, свиваясь в плотный овальный кокон. Ещё миг, и на камнях обнаружился свернувшийся в позе нерождённого младенца абсолютно голый парень, в котором Алексей узнал Сашко – иначе ефрейтора Советской Армии

товарища Берестеня, если выражаться официально.

– Сашко… – Алексей сглотнул. – Ты живой, Сашко…

– Уже нет, – шипящий голос ровен и бесстрастен. – Вставай, ты готов. Я вижу.

Лежащий на камнях зашевелился, поднял голову. На круглом лице отразилось выражение крайнего недоумения.

– Лёша? Ты как… ты почему так… мы где вообще?

– Пока там же, – откликнулся Конвоир, по-прежнему стоявший столбом, не двигаясь с места. – Потерпите. Сейчас будет готов последний.

По склону горки, на которой расположилась позиция «пикета», взбирались бородатые люди с автоматами и винтовками М-16.

В следующее мгновение Алексей оказался на ногах. Метнулся к брустверу, одним движением перемахнул нагромождение камней. И остановился, как вкопанный.

Возле искорёженного «утёса» ещё чуть дымилась неглубокая воронка. Сильно обезображенный труп, в котором всё-таки можно было опознать сержанта Горчакова, отбросило в сторону. Труп Сашко остался почти на месте, однако бок был буквально изорван осколками.

А чуть поодаль лежал Толян, младший сержант Анатолий Жмыхов, родом из славного русского города Рязани. Лежал на спине и дышал часто-часто, судорожным дыханием пытаясь компенсировать нехватку кислорода – поскольку крови в жилах младшего сержанта, судя по растекшейся

тёмной луже, оставалось уже совсем немного.

– Толян… Толя, очнись! Толя, «духи»!!!

Рука прошла сквозь плечо раненого насквозь, не встретив ни малейшего сопротивления. Алексей отдёрнул её, испуганно принялся рассматривать собственные пальцы. Вот как… Вот так, значит… Привидение. Он теперь привидение.

Между тем «духи» уже перелезали через бруствер, переговариваясь между собой. Алексей вдруг осознал, что говорят моджахеды на чистом русском языке, и даже без характерного восточного акцента. Вот только слова звучали необычно, будто синхронный перевод, наложенный на приглушённую иностранную речь.

– Эти подохли, – бородач в камуфляжной куртке и чёрных мешковидных штанах рассматривал позицию. – А тот ещё дышит, гляди-ка… Хаким, добей.

Второй «дух», помоложе, подошёл к лежащему без сознания младшему сержанту и дважды выстрелил в голову. Тело Толяна изогнулось, затрепетало и обмякло.

– Сволочь! – раздался вопль Сашко. – И ты сволочь! Пусти меня, ну! Ааа…!

Крик оборвался, словно обрезанный бритвой. Бывший ефрейтор Берестень, а ныне привидение, трепыхался в четверти метра над землёй, словно повешенный на верёвке – какая-то сила надёжно удерживала его над поверхностью, не давая коснуться грунта.

– Оскорбление Конвоира недопустимо, – шипит голос, по-

прежнему ровный и лишённый намёка на какие-либо эмоции. – Прощаю один раз. Дальше пеняй на себя. Поползёшь в коконе.

Невидимая верёвка оборвалась, и Сашко рухнул на землю – неожиданно мягко и бесшумно, как будто не камни были под ногами, а три слоя афганского ковра.

И тут же рядом из воздуха соткалось знакомое серебристо-снежное сияние, загустело, образуя кокон. Миг, и на камнях лежит младший сержант Жмыхов – вернее, то, что на него очень сильно похоже.

Между тем «духи», которых все эти сценки из жизни приведений, очевидно, нимало не беспокоили, завершили сбор трофеев и направились вниз, прыгая по камням. Моджахеды явно торопились.

– Им торопиться смысла нет, – звучит всё тот же ровный мёртвый голос. – Уже сегодня до заката они будут готовы. А пока мне достаточно.

Между тем Толян уже вставал, изумлённо крутя головой.

– Идёмте, – Конвоир наконец-то сдвинулся с места. Перемещался он очень необычно – просто плыл над поверхностью, не переступая ногами. – Здесь плотный мир. И очень плотное время. Надо спешить.

* * *

Самолёт недовольно ревел, лениво молотя винтами сырой воздух, пропахший керосиновой гарью – верно, самолёту очень не нравилась работа, которую приходилось выполнять. Вероятно, самолёту хотелось поднимать в небо живых, весело смеющихся парней… но самолёты никто не спрашивает, чего они хотят. Как, впрочем, и тех парней… Откуда-то из глубины всплыло – «чёрный тюльпан»… Почему пилоты не выключают двигатели?

Микроавтобус-вездеход УАЗ, чаще именуемый в народе «буханка», задом подполз к опущенному трапу, и хмурые парни в армейской форме втолкнули в машину оцинкованный гроб. Впрочем, молодость брала своё, и сквозь напускную траурность Марина то и дело ощущала на себе заинтересованные взгляды, бросаемые исподволь. Красивая девка у земели, блин… была… Наверное, не надо было надевать это платье, вновь проплыла холодная, будто чужая мысль… короткое слишком, надела бы джинсы… а другого чёрного платья нет, все длинные, как назло, яркие, праздничные… только тёмно-синее бархатное разве что… в котором один только раз она с Лёшиком сходила в театр… нет, там верх открытый…

Панорама лётного поля с ревущим самолётом сменилась душным лязгающим нутром «буханки». В плечо вцепилась

тётя Надя, Алёшкина мама, с мокрым лицом и трясущимися синеватыми губами. Едем, поняла Марина. Куда едем? Зачем едем?

И вновь парни в армейской форме тащат длинный ящик, отливающий серым металлом, пыхтя на лестничных площадках – неудобно разворачивать, ведь лестницы рассчитаны в основном на живых людей… А вот уже парни устанавливают свою страшную ношу на две табуретки, выдвинутые на середину странно пустой комнаты. Почему так пусто? Здесь же не было так пусто, в Алёшкиной квартире… здесь всегда было тепло и уютно… и тётя Надя здорово готовит…

– … В общем, сражались ребята геройски. Кучу душманов этих наколотили… Если бы рацию не разбили им, то продержались бы…

Слова вылетают одно за другим изо рта немолодого, представительного мужичка из местного военкомата. Видно невооружённым глазом, что мужичок пересказывает из третьих рук… зачем, для чего он говорит все эти слова?

– … Так что примите награду за своего сына, дорогая Надежда Алексеевна, и земной поклон вам от лица всей страны.

Мужичок протягивал коробочку, в раскрытом нутре которой блестел какой-то металлический знак. Государственная награда, вновь всплыло в голове у девушки… Интересно, сколько таких цацек уже передал этот вот мужичок вместе с поклонами «от лица всей страны»? Судя по заученной гладкости речи, не так уж мало…

– Спасибо, – ровным механическим голосом произнесла Марина, хотя высокую награду мужичок протягивал не ей, а матери героя. – Очень красивый значок. Это ведь равноценная замена Алёшке, верно?

Мужичок из военкомата, по всему видно, собрался было возразить. Может быть, даже мягко осадить девицу, так пренебрежительно отозвавшуюся о высокой правительственной награде. Но встретился взглядом с Мариной и мгновенно раздумал.

* * *

Неровная колонна голых мужиков, в основном совсем молодых, двигалась вслед за фигурой в тёмном монашеском капюшоне. Бывших мужиков, поправил себя Алексей, так будет правильней… Духов?

Бывшие «духи», а теперь уже духи вполне состоявшиеся, шагали впереди, и шестеро бывших солдат шли следом, невольно наблюдая сверкание ягодиц своих недавних врагов. Попытка устроить разрыв в колонне, отстав от экс-моджахедов на десяток шагов, была резко пресечена Конвоиром – похоже, он имел круговой обзор, даже не оборачиваясь.

Алексей усмехнулся, вспомнив первое впечатление от встречи с совсем ещё недавним противником «в упор». На камнях лежали свернувшиеся в «позе эмбриона» голые мужики, одетые полупрозрачным, чуть мерцающим искрами

сиянием, отчего духи безвременно усопших приобрели сильное сходство с лягушачьей икрой.

– Кокон снижает утечку энергии, – уловил невысказанную мысль Конвоир. – Здесь плотный мир. Энергия тонкого плана, не связанного с физическим телом, рассеивается очень быстро. Вставайте, вы все.

Оболочки «икринок» мгновенно растаяли, и освободившиеся привидения-новобранцы зашевелились, вставая. Странно, но все духи были гладко выбриты и вдобавок аккуратно подстрижены, хотя в прицеле своего «корда» сержант Горчаков не видел ни одного безбородого лица. Более того, неизвестный цирюльник зачем-то тщательно выбрил экс-моджахедам лобки, и вообще на теле усопших не было заметно ни единого волоска, хотя обычно восточные мужчины по степени волосатости могут поспорить с иным шимпанзе.

Только тут до Алексея дошло, что именно «не так» было с его собственным телом. Он цапнул пятернёй за лобок, провёл пальцами по подмышке. М-да… Последний раз таким он помнил себя, наверное, лет в одиннадцать, от силы двенадцать.

– Васо! Ринат! Артур!

Бывшие душманы сдержанно загалдели, наблюдая встречу бывших бойцов Советской Армии, но никаких активных действий предпринять даже не попытались. Очевидно, они уже успели осознать, что общая ситуация и их собственный статус в этом мире значительно изменились.

– Построиться колонной по одному, – велел Конвоир тоном, отметавшим всякие праздные сомнения насчёт возможности неподчинения приказу. – Двигаться ровно, дистанция три шага. Отклонение вправо, влево, остановка без команды, нарушение дистанции запрещены. За нарушение буду наказывать. Во время движения можно задавать вопросы друг другу и мне лично. Если вопрос существенный, возможен ответ. Вопросы?

– Я спрошу. Отчего мы такие? – экс-моджахед провёл ладонью по скуле, одновременно пальцем другой руки ткнув себе пониже пупка. Очевидно, духа тоже занимала мысль о странной эпиляции.

– Это тонкое тело второго плана. Оно копирует плотное достаточно подробно, но несущественные детали отсутствуют. Ещё вопросы? Начали движение.

Конвоир поплыл впереди, и колонна привидений, ещё недавно бывших смертельными врагами, двинулась, соблюдая указанную дистанцию. И экс-моджахеды, и экс-бойцы Советской Армии были привычны к такого рода передвижению, поэтому колонна сразу втянулась в заданный темп. Бывший сержант Горчаков, как старший по команде, автоматически оказался впереди своих бойцов – похоже, армейские привычки не вдруг исчезают и после смерти.

Наблюдение голой задницы впереди идущего духа не доставляло бывшему сержанту эстетического наслаждения, и Алексей непроизвольно увеличил разрыв на пару шагов. В

то же мгновение хлёсткая бледная молния обожгла его, скрутив болью.

– Не отставать, – змеиный голос ровен и по-прежнему лишён эмоций. – Разрыв есть лишний расход энергии.

Цепочка привидений, возглавляемая необычным проводником, бесшумно плывущим над грунтом, поднималась в гору. Странно, но затяжной и довольно крутой подъём не вызывал утомления. Алексей покрутил головой – шагавшие позади ребята тоже не выказывали признаков усталости, как и идущие впереди экс-моджахеды.

– Куда ты ведёшь нас, командир? – обратился он к Конвоиру. – Скажи, если можешь.

Пауза.

– Это дорога на Грань.

– Какая Грань? Чего Грань?

Пауза. Долгая пауза. Алексей уже было решил, что ответа не будет. Их Конвоир счёл вопрос несущественным. А может, существенным, да просто не пожелал ответить. Ведь сказано же было – «возможен ответ». Возможен, но не обязателен…

– Ты должен был сам догадаться, – шипящий голос ровен. – Вы уходите из плотного мира. Здесь место живым. Ваше место – в мирах мёртвых.

* * *

Оркестр старался вовсю, но музыка никак не складывалась из отдельных, резких, рассыпанных в беспорядке звуков. И весь мир был такой же. Марине вдруг вспомнилось, как они с отцом однажды попали в аварию. Удар был несильный, правда, но ветровое стекло враз рассыпалось на множество крошечных кубиков, льдисто сверкавших на солнце. И невозможно было представить, что ещё минуту назад эта искристая россыпь была неким целым…

И уж совсем невозможно было вообразить, что вот это, лежащее в длинном оцинкованном ящике с кроваво-красным нутром – Алёшка. Да кто в это поверит?

Вот интересно, почему нет слёз, всплыла откуда-то холодная, будто чужая мысль. Ведь плачут же другие… вот, к примеру, эта старуха в нелепом чёрно-сиреневом одеянии, явно даже не знавшая Алёшку, старательно шмыгает картофелевидным носом. А у неё, Марины, ни капли.

Публика потекла мимо длинного ящика с тем, что вот этот плотный мужчина в подполковничьих погонах нагло пытался выдать за Алёшку. Тётя Надя завыла, норовя упасть, и Марина обнаружила, что её руки поддерживают несостоявшуюся свекровь. С другой стороны мать погибшего поддерживала её, Марины, родная мама. Девушка ощутила нечто сродни благодарности к собственному телу, взявшему на се-

бя все хлопоты – ибо с того момента, как она взяла телефонную трубку, никакого участия в собственных телодвижениях Марина не принимала. Жевала, глотала какую-то еду и какие-то таблетки, после которых на время провалилась в холодную стеклянную зыбь… что-то пила – чай? воду? корвалол? – и давала выпить тёте Наде… В общем, жила полноценной жизнью, как говорит Лёшик… Или уже надо говорить «говорил»?

Резко хлопнул залп. Второй. Третий. Рядом снова завыла, забилась тётя Надя, Алёшкина мама… Мозг привычно фиксировал всё – и треск холостых выстрелов, и короткое пламя из задранных к небу стволов, и плач тёти Нади… Вот только не складывалась из всего этого многообразия цельная картинка. Мир был разбит вдребезги, как то самое стекло.

Сыплются, сыплются мокрые глинистые комья на влажно блестящую цинковую поверхность… вот уже яма превратилась в неровный длинный холмик… всё?

Тётя Надя, наконец почувствовав что-то, обернула к несостоявшейся невестке вконец заплаканное, осунувшееся лицо.

– Ты прости, Мариночка… зря мы это… не надо было крышку снимать…

– Нет, тётя Надя, не зря, – медленно, ровно произнесла Марина, отчего-то попытавшись улыбнуться. Улыбка вышла та ещё – будто оскал бешеной кошки. – Не зря… Теперь я точно знаю. Алёшка вернётся.

Тётя Надя даже плакать перестала, в глазах мелькнуло что-то, весьма похожее на мистический ужас. Старуха с носом-картофелиной украдкой осенила себя крестом.

* * *

Кишлак выглядел настолько сонным и неподвижным, что казался объёмной фотографией – такие Алексей видел как-то на одной заезжей выставке, куда они забрели с Маринкой во время дождя. Зачем он ведёт их через населённый пункт, этот потусторонний Конвоир? Можно же было обойти…

– Слышь, Лёха… – подал голос Толян, шедший позади. – Я в кино каком-то американском, что ли, видел, как привидения сквозь стены проходят… И никто не видит их…

– Говорю для всех, – шипит голос Конвоира. – У некоторых при виде родных мест возникли мысли о побеге. Даже не пытайтесь. Я вижу вас всех как на пустом месте.

– Можно вопрос? – подал голос Алексей, чтобы переменить тему, поскольку, чего греха таить – мысль о возможности побега в виде привидения успела посетить и его собственную голову. – Можно ли… ну… в таком виде… проходить сквозь стены?

Пауза.

– Проходить сквозь стены можно, но не так просто. Во всяком случае для сущностей вроде вас. Вы сохраняете мно-

го общего с тем, бывшим плотным телом – таков уровень.

Раздался негромкий топот копыт, и из-за угла длинного строения вывернулся ишак, несущий на себе худого старика в длиннополом одеянии. Животное немедленно остановилось и принялось прядать ушами, словно почувствовав неладное.

– Пошёл! Пошёл! – по-пуштунски принялся понукать осла наездник, колотя пятками и хлопая по холке, однако тот упёрся намертво.

– Не обращать внимания, – шипит ровный мёртвый голос.

Едва незримая колонна мертвецов поравнялась с осликом, нервы животного не выдержали, и ишак с истошными воплями ринулся назад в проулок, унося на спине незадачливого седока. Выходит, не совсем незримые они?

Возле арыка копошились, визжали ребятишки, играя в какую-то игру. Как только колонна духов во главе Конвоиром поравнялась с арыком, гомон стих. Будто бы сама собой увяла ребячья радость, как цветок в кипятке, а самый маленький из компании, голый карапуз с перемазанной рожицей, вдруг заревел басом.

При виде текучей прозрачной воды Алексей вдруг ощутил жажду, пока несильную. Это было первое внутреннее «телесное» ощущение, возникшее после того, как завершилась «конденсация» с её адским холодом. Не останавливаясь, он наклонился и попытался зачерпнуть воду, сделав ладонь лодочкой. Попытка не удалась – рука ощутила лишь странное

сопротивление, точно струя воздуха из фена, без малейшего ощущения сырости.

– Напиться здесь тебе не удастся, – шипит голос потустороннего проводника. – Жажда, это только начало. Держать интервал, продолжать движение.

Колонна призраков покидала кишлак, населённый живыми. Уже на самой околице им повстречалась кошка. Она шла по своим делам, сторожко озираясь – очевидно, опасалась собак. При виде процессии шерсть животного встала дыбом, и кошка с диким мявом унеслась прочь.

– Скажи, командир, – подал голос кто-то из экс-моджахедов. Слова странно звучали в его устах, точно русский синхронный перевод, наложенный поверх приглушённой нерусской речи. – Они что… видят нас?

Пауза. Долгая пауза – очевидно, Конвоир не счёл вопрос существенным…

– Из всех живущих кошки чувствуют нас сильнее всех, – шипит ровный мёртвый голос.

Ни малейшего удивления никто не высказал. Посланец из мира мёртвых ясно обозначил – теперь все они по одну сторону невидимой стены.

* * *

– … Душу усопшего раба твоего упокоооооой!

Свечи, густо натыканные в грибовидном раззолоченном

подсвечнике, казалось, колыхались в такт густому голосу, гулко разносившемуся под сводами храма. Или это всё же колебался густой, тяжёлый воздух, пропитанный запахами ладана, горелого воска и человеческого пота?

И страшной, нечеловеческой тоски.

Все вокруг крестились, и Марина тоже тыкала сложенными в щепоть пальцами куда-то себе в лоб, плечи и низ живота. Впрочем, сознательное участие Марины в этом процессе было минимальным, если не сказать – незначительным. Похоже, тело её окончательно разочаровалось в способностях хозяйки как-то управлять жизненными ситуациями и отныне намерено было полагаться только на себя. Вот и сейчас, в церкви, оно знало, что делать…

Вообще-то ни Марина, ни тётя Надя никак не могли причислить себя к рьяным богомольцам. Во всяком случае, до сего дня Марина смутно помнила лишь один-единственный визит в храм, и воспоминания эти не были особо приятными. В памяти сохранились лишь фрагменты – она, голенькая, незнакомый бородатый дядька в блескучих одеждах, какая-то лохань… мокро… Она тогда ещё ревела, громко и от души, ощутив чужие ладони на своём голом теле…

А вот сейчас слёз нет. Ни капли, как в Сахаре.

Это Надежда Алексеевна, не находившая себе места после гибели сына, затеяла поход в церковь в надежде хоть как-то уменьшить давящее неизбывное горе. Марина, все эти дни безропотно помогавшая несостоявшейся свекрови, вы-

звалась сопровождать полубезумную женщину…

Девушка чуть усмехнулась. Полубезумную… Не ей, Марине, говорить. Сама-то она нормальная или как?

Странное состояние, возникшее ещё тогда, в тот страшно далёкий вечер – до того, как грянул очередями в упор телефон – закрепилось за эти дни. Марина уже начала привыкать, что ли, к этому ощущению – будто она вышла из собственного тела, стоит рядом, невидимая и неощутимая… А тело живёт своей жизнью. Ходит, машет руками, кивает головой… Оно оказалось очень умным, её тело, ему были под силу даже довольно сложные деяния. Например, помощь в оформлении документов на погибшего или подготовка поминок к девятому дню. Правда, в университет Марина пока не ходила. Поскольку не видела смысла в неподвижном сидении тела в аудиториях и отстранённом наблюдении за передвижением разных фигур у доски и в коридорах «альма матер».

Народ потянулся к выходу, из чего Марина заключила, что обряд закончен. Она прислушалась к себе. Стало ли легче? Хм…

На улице ярко светило холодное осеннее солнце. Череда серых дождливых дней кончилась, но девушка знала из той, прошлой жизни – ясный денёк в октябре, это к ночным заморозкам. Тепла уже не будет, и вслед за осенней хмарью идёт настоящая зима.

– Спасибо тебе, Маринушка… – тётя Надя поправляла

сбившийся платок. – Не оставляешь ты меня одну…

– Как можно, тёть Надь… – она даже сумела чуть улыбнуться. – Я завтра пораньше приду, девятины готовить. Если что… звоните.

Ну вот, думала Марина, глядя в спину удаляющейся несостоявшейся свекрови. Завтра уже девять дней… Потом будет сорок. Потом полгода, год… Время идёт неумолимо. Какое-то время друзья и родственники будут вспоминать Лёшку… вздыхать, выпивать не чокаясь… Потом как-то само собой получится, что в этот день куча дел, ну никак не удалось вырваться, чтобы съездить на кладбище… но мы помним, да…

Вот только тётя Надя, пожалуй, уже не оправится от удара. Будет вздыхать, лить слёзы в подушку… или просто не спать, смотреть в потолок ночь напролёт.

А она? Она сама как же?

Марина криво усмехнулась. Нет, не надо обманывать себя. Молодое, здоровое тело пересилит беспомощную хозяйку, втянет её в себя, прекратив мучительное раздвоение. Пусть и не сразу. Она закончит университет, потом найдётся парень… или уже взрослый мужчина… Она даст согласие и будет жить, как все. Работа, кухня, ночью тело примет нужную позу… Вероятно, она даже будет испытывать к мужу тёплые чувства. Благодарность, привязанность… что там ещё…

Вот только этой любви у неё больше не будет.

Она обернулась к храму.

– Бог! Слышишь ли ты меня?! Говорят, ты добр, мудр и справедлив! Ну так ответь мне – в чём тут мудрость, доброта и справедливость?! Почему он убит за чей-то чужой долг?! Почему мы не могли быть счастливы вместе?! Ответь! Ответь же!!

Марине казалось, что она кричит во всю силу лёгких, на самом же деле губы лишь чуть шевелились, и горло издавало какое-то невнятное потустороннее шипение, отдалённо похожее на человеческую речь. Как будто говорит призрак, всплыла откуда-то уже совершенно посторонняя мысль…

– Молчишь? Молчишь… Я знаю, почему ты молчишь, бог. Тебе просто нечего сказать. Поэтому ты молчишь всегда!

– Напрасно ты так скандалишь, красавица, – раздался сзади грудной женский голос, спокойный и лишь едва заметно насмешливый. Девушка резко обернулась. Жгучая горечь, переполнявшая душу, поднялась удушливой яростной волной. Ещё какая-то нищенка, прицерковная крыса будет над ней тут издеваться…

Стоявшая в трёх шагах женщина нимало не походила на «прицерковную крысу». Правда, одета она была довольно просто и неброско – так обычно одеваются в Союзе крепкие хозяйки средних лет, не готовые переплачивать фарцовщикам за все без разбору закордонные шмотки, но и имеющие средства, достаточные, чтобы не ходить в чём попало. Де-

вушка окинула незваную собеседницу взглядом с ног до головы. Лет тридцать с мелочью… а может, ближе к сорока… Светло-русые волосы, гладко зачёсанные назад. Фигура чуть полноватая, но талия вполне. Высокая грудь, ноги тоже не подвели, правильный овал лица и прямо-таки классический нос… Серая юбка чуть ниже колена, добротный жакет – всё в тон глазам. Мда, глазам… Вот глаза у дамы были примечательные. Мудрые, всплыло в памяти подходящее слово… и ещё что-то про рентгеновский аппарат.

– Я говорю, напрасно ты так, – повторила дама, но уже без тени насмешки. – Таким образом ничего не получится.

– Женщина, у вас ко мне дело? – довольно грубо спросила Марина. Незнакомка чуть удивлённо приподняла бровь.

– У меня? Это у тебя ко мне дело.

– И какое же? – в эти слова девушка собиралась вложить столько яду, что ни одной африканской кобре не мечталось. Однако вышло нечто совсем противоположное. Вопросительно-просительная такая интонация, и голос дрожащий…

– Пойдём-ка, – коротко кивнула женщина и пошла, не оглядываясь. Очевидно, дама не сомневалась, что гражданка Кострова проследует за ней совершенно безропотно. Аферистка, конечно, такие возле храмов господних и ошиваются, ища ополоумевшие от горя жертвы…

Однако тело Марины и на этот раз оказалось умнее хозяйки. Девушка с некоторым удивлением обнаружила, что идёт

за незнакомкой, как дворняжка, которую поманили котлеткой.

– Вот тут, пожалуй, нам никто не помешает, – произнесла дама в сером, присаживаясь на скамейку, каким-то чудом уцелевшую в крохотном скверике. Марина с сомнением посмотрела на сиденье – инстинкт городской жительницы, не ждущей от скамеек ничего лучше измазанного платья и порванных колготок. Однако лавочка оказалась на удивление чистой, как будто её покрасили только вчера.

– Слушаю вас, – напряжённым голосом сказала девушка, присаживаясь на край скамьи. Женщина чуть улыбнулась.

– И снова ты неверно подходишь к делу. Это я тебя слушаю.

Они встретились глазами. В глазах аферистки, привыкшей ловить и охмурять клиенток возле церквушек, клубилась мудрая печаль. А, наплевать!

– Я хочу, чтобы он остался жив, – заявила Марина, сжав зубы.

– Точно? – во взгляде незнакомки теперь преобладал рентгеновский аппарат.

– Абсолютно.

Взгляд серых глаз утратил рентгеновскую пронзительность, ушёл куда-то в себя.

– Что ж… Каждый может высказать желание. Если желание праведно, то есть не направлено во вред иным живущим, оно будет услышано и рассмотрено. Только вот исполняются

не все желания, пусть даже праведные. Лишь те, за которые желающий готов и способен заплатить нужную цену.

Ну вот мы и добрались до сути вопроса, усмехнулась про себя Марина. Чего она ещё ожидала от аферистки? Глаза, видите ли… И, чтобы закончить с данным эпизодом – перед тем как послать даму подальше – она грубо спросила:

– Сколько?

– В смысле? – взгляд дамы, пребывавший в недрах таинственной души, вновь обернулся наружу.

– В смысле – рублей. Или вы берёте этими… долларами? А может, золото пойдёт?

Незнакомка откинулась на спинку скамьи, взгляд стал тоскливо-утомлённым.

– Знала бы ты, милая, как меня достали все эти нынешние кондовые атеисты. Рубли, доллары… золото… Посмотри под ноги!

Марина взглянула вниз и оторопела. Дорожка скверика, явно не знакомая с метлой дворника и оттого ещё минуту назад заваленная сплошным ковром сухих опавших листьев, была сейчас покрыта слоем купюр, в основном багряно-красных червонцев и жёлтых рублей. И только кое-где зеленели трёшки, явно сорванные ветром до срока…

– Гипноз… – пробормотала девушка, потрясённо глядя на это чудо.

В серых глазах протаяли озорные смешинки.

– Ну ясное дело, гипноз. Что же ещё, как не гипноз? Да

ты возьми их в руки, что ли. Не бойся!

Марина нагнулась и осторожно выудила из денежной массы пару купюр, десятку и рубль. Помяла в пальцах, посмотрела на просвет – солнечные лучи обозначили характерные водяные знаки. Очень, очень сильный гипноз… подробный и качественный…

– А ты говоришь, рубли… – дама глянула на часики-кулон, висевший на груди. – Однако время идёт. Сделаем так. Поскольку ты пока не готова, отложим разговор. Как только будешь готова, позвони по данному номеру.

– Какому номеру? – хриплым, севшим голосом спросила Марина.

– Который на купюрах в твоих руках. До свидания!

Незнакомка легко поднялась со скамьи и направилась прочь, не оглядываясь. И Марина вдруг ощутила, что на сей раз ей не удастся последовать за таинственной собеседницей при всём желании. Вот не удастся, и всё тут… Кто, да кто она такая?! И тут девушка сообразила, что незнакомка так и не назвала своего имени. Скорее, вот сейчас она уйдёт, исчезнет из вида…

– Как мне вас звать? – в отчаяньи крикнула вдогонку Марина. Дама чуть обернулась на ходу.

– Позвонишь – узнаешь!

Нестройные звуки гитары раздались за спиной. Марина обернулась – в скверик заваливала компания, явно пребывавшая навеселе. Четверо разнокалиберных юнцов, все как

один в джинсах – признак явной крутости и крепкого кошелька родителей, способных выложить двести «деревянных» за иностранные штаны. Парнишка с краю лабал по струнам разрисованного наклейками инструмента без особого таланта, зато с удвоенной силой.

– О, какая птичка! Девушка, будем знакомиться! – последнюю фразу долговязый парень, судя по всему, вожак этой шаечки, произнёс с сугубо утвердительной интонацией.

– Витёк, ты глянь!!! – свистящим сдавленным голосом перебил шефа другой, с длинными чёрными волосами.

Гитара смолкла. Четвёрка балбесов, выпучив глаза, смотрела на ковёр из дензнаков, расстилавшийся по скверику.

– Деньги… – сглотнув, медленно произнёс главарь. Было очевидно, что знакомство с девушкой явно утратило для ребят актуальность.

– Деньги!!!

Парни упали на колени и принялись судорожно хватать купюры, охапками заталкивая во все карманы и отверстия, имевшиеся в костюмах. Марина встала, осторожно обошла очарованных золотым тельцом молодых людей и пошла прочь. «А ты говоришь, рубли…»

Она встала как вкопанная. Телефон… Номер!

Но незнакомка в сером, очевидно, и не собиралась обманывать-морочить несчастную девушку. На жёлтой однорублёвой купюре и на красной десятирублёвке явственно и чётко виднелись номера, свойственные каждому банковскому

билету…

Одинаковые номера.

Марина перевела взгляд на номер серии. Полное совпадение. Да что же это такое?!!

Послышался звук приближающейся машины. Девушка торопливо спрятала обе бумажки за бюстгальтер – самое надёжное хранилище, как известно – и вовремя. Мимо проехал милицейский УАЗ, прямо и уверенно направляясь к скверику. Ой, что сейчас будет…

Вероятно, разговор с таинственной незнакомкой каким-то образом вернул Марину к жизни. Во всяком случае, ещё полчаса назад она не обратила бы ни малейшего внимания ни на УАЗ, ни на парней с гитарой. Да и на россыпь купюр, откровенно говоря, тоже. Сейчас же в ней зашевелилось любопытство. Женщина, имеющая любопытство, будет жить, как сказал какой-то доктор… А ноги уже сами несли её обратно к заколдованному месту, обходя скверик так, чтобы не попадаться на глаза.

– Товарищ капитан, ну на земле же они лежали! – взывал к справедливости истошный голос юнца.

– Ну ясен пень, на земле! – невозмутимо-иронично отвечал грубый мужской голос. – Деньги, они же обычно на земле и валяются. Да пошёл, не задерживай!

– Товарищ капитан!

– Гражданин начальник, привыкай помалу!

– Това… гражданин… ну правда же не виноватые!!! Ну

правда на земле!!!

– Да ты не ссы, малый, – вмешался другой мужской голос. – Сейчас в отделение приедем, всё напишем чистосердечно – где лежали, сколько… как взяли… Правильно напишем, срок минимальный…

УАЗ, гружёный под завязку, проследовал обратным курсом, тяжело давя рубчатыми шинами палую листву. Подождав, пока машина скроется из виду, Марина осторожно вошла в скверик, ступая, будто по минному полю.

Земля в скверике, густо усыпанная палыми листьями – красными, жёлтыми и лишь изредка зелёными, сорванными ветром раньше срока – явно не помнила, что такое метла дворника. Возле сирых облетевших кустов стояла разбитая вдрызг скамейка, с одной-единственной сломанной посредине жёрдочкой вместо сиденья.

Странно, но смятение внутри не только не усилилось, но как-то разом улеглось. Марина медленно провела пальцем по жёрдочке скамейки, не знавшей кисти маляра лет десять минимум, и отдёрнула руку – из пальца торчала крупная заноза. Осторожно вынув занозу при помощи ногтей, она оглянулась вокруг. Ни души.

И только тогда Марина решилась. Если сейчас вместо бумажек за лифом окажутся смятые листья…

Но дензнаки оставались незыблемы, всем своим видом убеждая – это не сон, не гипноз и не бред.

И на обеих купюрах стояли одинаковые номера.

* * *

Ущелье выглядело до того мрачным – хотелось буквально бежать, бежать без оглядки из этого места. Экс-моджахеды, идущие впереди, нервно озирались, крутили головами – должно быть, тоже ощущали угрюмую, скрытую мощь, исходящую от обступившего со всех сторон камня.

– Дорога на Мордор… – Артур перепрыгивал с камня на камень, выбирая те, которые на человечий взгляд не грозили подвернуться под ногой. Алексей усмехнулся – похоже, пережитки теперь уже всё это… Действительно, живые люди давным-давно сбили бы ноги в кровь, передвигаясь по горам босиком. Однако ничего такого не наблюдалось. Ощущения при ходьбе были, правда, почти привычные… вот именно, почти. Бывший сержант всё никак не мог отделаться от ощущения, что тело его на самом деле не твёрдое и упругое, а состоит из какой-то текучей субстанции, сохраняющей форму под воздействием неких сил. Так катится по камням капля ртути… только там силы поверхностного натяжения собирают жидкий металл в простой, бесхитростный шар.

– Куда дорога? – переспросил Ринат.

– Толкиена читал? – полуобернулся на ходу Артур.

– Нет…

– Тогда оставим.

– А у нас в Грузии горы куда лучше, – вступил в беседу Васо. – Там таких…

– Пришли, – шипит змеиный голос Конвоира. Колонна разом встала – каменный коридор упирался в тупик. Ровная тёмная поверхность камня была будто срезана ножом… бывают ли в природе такие ровные скальные сколы?

– Слышь, Лёха… – Толян попытался было сократить дистанцию, подойдя поближе для разговора, но тут же получил хлёсткий удар бледной молнии. – Бля! …..!!! За что?!

– Держать интервал, – шипит ровный мёртвый голос. – Я предупредил.

– Так ведь не идём, стоим…

– Не спорь, Толя. Говори так, если можешь, – вмешался Алексей.

Скальный выход, перекрывавший ущелье будто пробкой, вдруг слабо заколыхался, точно занавеска от слабого дуновения ветерка.

– Переход открыт, – Конвоир отодвинулся в сторону, явно уступая дорогу подконвойным. – Вперёд.

Однако колонна привидений не двигалась с места. Экс-моджахед, шедший первым, замотал головой и упёрся, как тот ишак, встреченный в пути.

– Нет.

– Вперёд, – ровный шипящий голос лишён эмоциональной окраски, но можно было не сомневаться – это уже угроза.

– Нет!

Какая-то сила смяла духа, точно так, как дети сминают в комок неудавшуюся пластилиновую поделку. Миг, и сжатый в позу эмбриона бунтарь поднимается над грунтом и влетает в каменную стену, точно булыжник в воду – даже волны пошли кругами по поверхности камня.

– Ты, – Конвоир чуть повернул свою безликую голову к следующему в цепочке.

Демонстрация силы и бесполезности сопротивления была настолько впечатляющей, что второй дух безропотно двинулся вперёд. Подошёл к скале, осторожно протянул руку…

– Не медлить, – сильный толчок буквально бросил парня на «камень», и он исчез в тёмно-серой поверхности, вновь пошедшей круговыми волнами – точь-в-точь от брошенного в воду предмета.

– Следующий…

Цепочка духов двинулась вперёд, один за другим исчезая в кажущейся незыблемой каменной тверди. Как десантура в люке самолёта, мелькнула у Алексея мимолётная мысль…

Серая поверхность того, что казалось со стороны скалой, ударила в лицо, дохнула печным жаром, обволокла клейкой массой, и спустя долю секунды бывший сержант уже вновь стоял на камнях, серых и безликих. В спину ему ткнулся Сашко, шедший следом.

– Не стоять!

Этот голос уже не походил на змеиное шипение – ско-

рее на треск переламываемого дерева. И в обладателе голоса, маячившем возле Прохода, явно проглядывало нечто деревянное – худой, как палка, высокий субъект в тёмно-бурой рясе из чего-то, похожего на шёлк. По поверхности одеяния то и дело пробегали волны фосфорического сияния и какие-то разноцветные искры.

Васо, шедший в колонне замыкающим, вылетел из серой субстанции, ошеломлённо крутя головой. Все…

Конвоир выплыл из Прохода, повис над землёй.

– Привёл. Двадцать три. Полны энергии по макушку – убиты молодыми и здоровыми.

– Хорошо. Будешь спускаться вниз?

– Некогда. Там вот-вот будут готовы следующие.

– Ты молодец. Великий Игва тобой доволен.

– Я вижу, на тебе новый эрцхаор.

– Да, удачно обзавёлся. И тело подновил.

Субъект откинул с головы капюшон, явно хвастаясь, и Алексей с дрожью осознал, что он и впрямь деревянный. Как будто папа Карло, не удовлетворясь скромной поделкой из соснового полена в виде Буратино, решил сваять из целого бревна настоящее, полномасштабное изделие.

– Неплохо. Хотя я бы предпочёл живую плоть, – откликнулся Конвоир. Субъект деревянно засмеялся.

– Хорошая шутка. Ладно, я сдам этих, как положено. Не беспокойся.

– Надеюсь. Ведь мы в одном деле.

Деревянный субъект всем корпусом повернулся к новоприбывшим.

– Ну что, покойнички… Как там говорят в Энрофе – «Добро пожаловать»?

Первый раз Алексей услышал, как смеётся их Конвоир. Шипящий, булькающий звук.

– Не бойтесь его. Из всех местных Страж Грани, верно, самый безвредный. Мы не желаем вам зла, поскольку вы нужны.

Конвоир сделал паузу.

– Но и добра, разумеется, тоже.

Новички разглядывали место, в котором оказались. Пейзаж не впечатлял. Камни, камни, россыпи крупного щебня… Лишь кое-где виднелись серые, словно бумажные, кусты. И над всем этим висело белёсое, какое-то бесцветное небо. Ни малейшего оттенка голубизны.

– Где мы? Это ад? – Сашко задал вопрос, очевидно, мучивший всех. Страж Грани с отчётливым скрипом повернул к нему лысую, хорошо отшлифованную голову.

– Это Скривнус.

* * *

– … Таким образом, мы видим, что…

Что именно видит профессор в писанине, изложенной на доске, Марину не очень-то волновало. Лично она видела в

этих меловых каракулях некое испытание, коему подвергается каждый студент любого высшего учебного заведения. Выучить, сдать и забыть – такова задача. Откуда-то в памяти всплыло странное слово «епитимья». Удивительно, как все эти преподаватели мнят свой предмет чрезвычайно важным – да что там, абсолютно необходимым в дальнейшей жизни всем без исключения молодым людям, коим выпала честь… А между тем Марина ещё не встречала ни одного человека, пользующегося по жизни, скажем, тройными интегралами. Или вычисляющего валентность атомов какого-нибудь висмута. Игра, всё это игра с определёнными, чисто условными правилами – точно такая же, как бридж или покер. Или даже подкидной дурак. И не надо смешивать игру с реальной жизнью. Молодые люди идут в ВУЗы вовсе не из страстной любви к интегралам и валентности висмута, а для того, чтобы устроить свою карьеру. Девушки идут туда же с целью познакомиться с перспективными и умными молодыми людьми, удачно выйти замуж… Рожать детей, жить в достатке, и чтобы не приходилось стоять целый день у какого-нибудь шлифовального станка. И чтобы муж приходил домой трезвый, не скандалил, любил и ласкал, и иногда, пусть даже редко, но всё-таки дарил цветы…

Разумеется, вслух профессорам этого не говорят – правила игры не позволяют.

После встречи с незнакомкой Марина наконец-то взялась за ум – подобно тому, как проснулся бы задремавший в сед-

ле всадник, которого умная лошадь везла на своё усмотрение. Девушка возобновила посещение занятий, утрясла все вопросы с прогулами лекций – прозрачная бледность лица немало способствовала этому, профессора, они тоже люди – и жизнь вновь вошла в привычную колею. Да, привычную…

Марина усмехнулась. Вся эта игра в интегралы-валентности не имела бы далее никакого смысла, если бы не пара бумажек, красненькая и жёлтенькая. С водяными знаками и абсолютно одинаковыми номерами.

Сразу по приходу домой Марина кинулась к книжным полкам, где пребывал в забвении телефонный справочник – правда, довольно старый. Однако означенного номера в нём не отыскалось. Может, и вправду устарелые данные?.. Но и в справочной службе ответ оказался тот же: «данный номер не существует».

Однако к тому времени ни малейших сомнений у Марины не осталось. Существует, да ещё как существует он, этот номер! Вот только можно ли по нему позвонить и когда? «Когда будешь готова» – так сказала тогда незнакомка в сером. И, судя по сплошному ковру из дензнаков, по её воле образовавшемуся в заброшенном скверике из опавших листьев, к словам этим следовало прислушаться. Тогда, на скамейке, волшебница не сочла Марину готовой к серьёзному разговору. А когда?.. И как, и к чему именно она должна быть готова?

Целые сутки она боролась с искушением снять трубку и

набрать цифры, отпечатанные на дензнаках. Назавтра был хлопотный день, девушка помогала тёте Наде готовить и вообще устраивать поминки на девять дней. Видимо, что-то изменилось у неё в выражении лица, и тётя Надя то и дело исподволь кидала на несостоявшуюся невестку быстрые взгляды – сперва удивлённые, потом задумчиво-изучающие. И лишь когда они уже убирали со стола, проводив последних гостей, женщина не выдержала.

– Ты что-то знаешь?

– Вы о чём, тёть Надь?

– Маринушка, ну не надо… Ты что-то знаешь, – теперь уже Алёшкина мама говорила в утвердительной интонации. Марина чуть улыбнулась – бледной, как подснежник, потаённой улыбкой.

– Вы же мне не верите.

– Что ты знаешь?! – женщина вцепилась в руку несостоявшейся невестки. – Марина, я тебя умоляю!!

– Мне руку больно, тёть Надь.

– Ой, прости… прости… но не молчи же!

– Тётя Надя, вот что бы вы сказали, если бы увидели в длинном ящике мою изорванную одежду?

Женщина помолчала.

– Если бы одежда…

– Разница есть, не спорю. Но не принципиальная. Алёшка будет жив. Пока нет, но будет.

– Ты сходишь с ума, Маринушка… – тётя Надя отпустила

руку девушки, села на краешек дивана. – Ох… Лёшенька…

Слова будто всплыли в голове, как подводная лодка.

– Каждый может высказать желание. Если желание праведно, то есть не направлено во вред иным живущим, оно будет услышано и рассмотрено. Только вот исполняются не все желания, пусть даже праведные. Лишь те, за которые желающий готов и способен заплатить нужную цену.

Марина вскинула взгляд, отчаянный и свирепый.

– Я буду готова, тёть Надь. И смогу заплатить ту самую цену.

Возражения не последовало. В глазах измученной горем немолодой женщины теперь плескался мистический ужас…

…Звонок, возвещавший конец урока, прервал размышления студентки и излияния преподавателя. Аудитория враз пришла в движение, профессор сунул свои бумаги в портфель, наскоро попрощался и покинул помещение. Пара была последней, все спешили домой, в тепло и уют…

На улице подмораживало – осень кончалась, зима вот-вот должна была вступить в свои права. Зима будет долгой… Но не вечной. И это главное.

Сегодня она позвонит.

* * *

Автобус, вывернувшийся из-за скалы, выглядел экспонатом со свалки, вполне созревшим для отправки под пресс.

Бывшие солдаты и бывшие террористы смотрели на приближающееся диво, остолбенев, а кто-то и открыв рот от изумления. Даже в Афганистане, где по дорогам порой передвигаются совершенно дикие авточудовища, нелегко увидеть подобное – ржавый кузов без стёкол, с уцелевшими кое-где остатками разноцветной эмали, и даже двери отсутствуют напрочь. Однако сам реликтовый экипаж не шёл ни в какое сравнение с его водителем.

Из водительской кабины на дорогу вывалилось нечто, даже отдалённо не напоминающее человека. Три корявые ноги подпирали бесформенное серое тело, три толстых щупальца, заканчивающиеся тремя бескостными пальцами с присосками росли по кругу, делая существо чем-то похожим на морскую звезду. Но примечательней всего была голова этого существа – шесть глаз на стебельках моргали и шевелились вразнобой, точно реснички хищного растения росянки из школьного учебника. Единственным нарушающим симметрию органом был болтающийся спереди хобот – по которому, собственно, и можно было определить, где именно находится перед у этой твари.

– Ну где та свежатинка? – утробно прорычал монстр. – Я хочу!

– Хотеть не вредно, – возразил деревянный Страж, – но бесполезно. Учти, груз ценный, так что без глупостей. Пропадёт хоть один, переводом в шофёры тебе не отделаться. Здесь Скривнус, если ты помнишь, а не Агр.

– Да ладно, ладно, – несколько увял монстр. – Всё понял. Ничего… Я подожду. Не вечно будет гневаться на меня Великий Игва.

Он повернул все глаза на шеренгу пленников и прорычал.

– Вы все! В машину! По порядку, как стоите!

Хлёсткая бледная молния помогла преодолеть растерянность экс-моджахеду, стоявшему впереди. Один за другим духи обречённо ныряли в автобус.

– Ребята… я хренею… – заговорил Артур. Губы у него тряслись, и вообще от прежнего московского гонору ничего не осталось.

– Эх… А я в церковь не ходил… – отозвался Толян.

Васо, замыкавший шеренгу, уже хотел было шмыгнуть мимо чудовищного водилы, но монстр неожиданно ловко сгрёб его, и через секунду парень оказался зафиксирован в крайне неудобной позе – передними ногами-лапами чудовище прижало его ступни к земле, двумя руками-щупальцами ловко вывернуло руки за голову. Третье щупальце, взяв жертву за голый зад, выгнуло бывшего солдата вперёд.

– Ух, какой плотненький! – восхищённо проурчал монстр, тыкая хоботом в беззащитное тело, точно гигантская пиявка искала место, куда присосаться. – Почти как живой… И сердце, глянь, туки-туки, туки-туки… Сил нет, до чего охота выпить… прямо из сердца…

– Ну побаловал, и хватит, – осадил его деревянным голосом Страж. – Поехал, говорю!

С видимой неохотой чудовище отпустило жертву, и Васо, весь трясущийся от пережитого, нырнул в автобус.

Внутри адская машина оказалась ещё хуже, чем снаружи. Никаких сидений или хотя бы скамеек вдоль бортов не было и в помине. Под потолком тянулись два ряда поручней с висячими старинными ручками, да на полу виднелись какие-то не то ремни, не то шланги… Алексей вздрогнул, поняв, что именно ему напомнили эти штуки – щупальца кальмара, которого он видел на витрине.

– Значит, так, – чудище впёрлось всей тушей в салон. Странно, в этом мире, где до сих пор Алексей не заметил никаких запахов, от монстра исходил тяжкий смрад. – Встали все ровно. Ноги шире плеч… так… ещё шире! Руками взялись за держалки. Обеими руками, я сказал!

Петли-держалки вдруг плотно обхватили запястья, и в тот же миг «щупальца кальмара» обвили лодыжки. Кто-то из экс-моджахедов, не выдержав происходящего, завопил и задёргался – тщетно, разумеется.

– Ори, ори, – утробно заухал монстр, и Алексей понял – адская тварь смеётся. – Вообще-то рано пока орать… Скривнус, это ерунда. Вот будешь у нас, в Агре… Поехали, мои вкусняшки!

Чудовище взгромоздилось на единственное имевшееся в автобусе сиденье – на месте водителя. Оно, кстати, здорово напоминало седалища, коими оснащали первые советские трактора – штампованный металлический лист на полосе

рессорной стали, без намёка на заботу об удобстве водителя. Пыхтя, монстр разместил все три ноги на педалях, парой рук-щупалец обхватил руль, третьей же взялся за здоровенный рычаг коробки передач. Просто-таки идеальный водитель, пронеслась в голове дикая мысль… на всё рук-ног хватает…

Мотор истошно взвыл, и адское транспортное средство покатило по сухой, каменистой тверди, увозя несчастных всё дальше от Грани мира живых.

Всё глубже в мир мёртвых.

* * *

– Доча, это ты?

– Я, па.

Марина захлопнула входную дверь, скинула сапоги, повесила на плечики пальто. Решение позвонить крепло в ней всю дорогу, и входя в подъезд родного дома, девушка уже ни капли не сомневалась.

Дома всё было как обычно. Отец смотрел телевизор, сидя на диване, мама возилась на кухне, стряпала что-то. Уютно горел торшер. Марина чуть усмехнулась. Круги горя затухают куда быстрей, чем круги на воде. Конечно, отец и мать переживают из-за гибели Лёши Горчакова. Хороший такой был парень… какой бы жених был нашей Марине… эх… жалко-то как… Но ведь дочка-то жива, вот что главное. Да, по-

началу была сама не своя, но вот уже, видно на глаз, оправляется понемногу… на занятия ходит в университет… Ничего, Бог даст, отойдёт… а там и другой жених найдётся. Спору нет, жалко Лёшу… но ведь мы-то живы? И будем живы…

И только двое в этом мире живых тоскуют по Алёшке по-настоящему. Тётя Надя, у которой отняли единственного сына, и она, Марина Кострова, у которой отняли единственную любовь. Да, наверное, Надежда Алексеевна тоже готова заплатить любую цену, лишь бы вернуть сына оттуда, откуда обычно не возвращаются, но что-то подсказывало девушке – не потянет немолодая уже женщина ту цену. Хотеть и мочь вещи несколько различные…

Так что за всё заплатит она, Марина.

– Маришка, иди ужинать! – позвала с кухни мама.

Огорчать маму не стоило, поэтому Марина, не споря, уселась за стол и принялась запихивать в себя жареную картошку и куски камбалы, запивая горячим чаем. Вообще-то мама тут права, безусловно. Тело Марины не виновато, что ему досталась такая хозяйка, оно должно получать необходимые калории и витамины взамен истраченных…

– Марин, я там у тебя взяла одиннадцать рублей из кошелька, что на столе, – мама гремела посудой. – А то мы, сама знаешь, помогли Надежде Алексеевне, вот и не уложилась я… Отец завтра получит и отдаст.

Марина уронила вилку.

– Как?!

– Да что ж такое-то… – мама удивлённо хлопала глазами. – Завтра отдаст, в чём проблема, Маришка?

Но девушка уже не слушала. Метнулась в свою комнату, лихорадочно схватила старенький кошелёк, в котором держала только две купюры – те самые…

Пусто.

В глазах поплыли огненные колёса.

– Что ты наделала, мама, – чужим, деревянным голосом произнесла Марина. – Там же был НОМЕР!!!

Всё дальнейшее запечатлелось в памяти какими-то дикими урывками – срываемое с вешалки пальто, мама, цепляющаяся за рукав, что-то говорит папа…

Она очнулась на улице. Ледяной воздух затекал под пальто, накинутое наспех, холодными пальцами осторожно щупал дрожащее тело. Над головой мертвенным бело-голубым светом сиял фонарь, наклонивший свою железную шею с высоты бетонного столба – будто разглядывал Марину. Ну вот и всё… Всё?

Откуда-то из глубины всплыло – «человек ничего не забывает». Хм… да. Что-то такое она помнила – человеческий мозг намертво впечатывает всю информацию в свои нейроны. Раз и навсегда. Другое дело, что найти нужные сведения рядовой гражданин часто не в состоянии. Под гипнозом, говорят, люди вспоминают всё… А если без гипноза?

Марина сжала зубы. Нет, шалишь… Не всё! Студентка Кострова запоминает кучу всякой всячины, нужной лишь

для того, чтобы сдать очередной зачёт либо экзамен в ближайшую сессию. И не зубрит при этом, повторяя сто раз подряд один и тот же материал. Так неужто не вспомнит то, от чего зависит её будущая судьба? Ведь она видела те купюры не мельком, вскользь, не раз и не два – таращилась неотрывно и многократно!

Мозг, привычный к экзаменам, уже переходил в режим, хорошо известный каждому настоящему студенту – «вспомнить всё, что знал, об остальном догадаться!». Ну! Ну же!

Цифры всплыли в памяти неожиданно легко и просто. Марина нашарила в кармане авторучку, торопливо вывела на тыльной стороне ладони номер, казалось, безвозвратно утерянный. Бережёного Бог бережёт… тем более бережёную.

И только тут девушка обратила внимание на две бумажки, плавающие в луже под фонарём – красную и жёлтую. Лужа уже подёрнулась ледком, но лёд был ещё столь тонок и прозрачен…

Марина решительно ступила в лужу, с хрустом ломая лёд, нагнулась и выудила бумажки. Обычные билеты Государственного банка, достоинством в один рубль и десять. Она повернула бумажки к свету и засмеялась – на обеих купюрах были одинаковые номера. Полностью совпадавшие с тем, что синел на руке.

* * *

Едкая вездесущая пыль лезла в ноздри, глаза и уши, и стоило открыть рот, как казалось – пылью вот-вот наполнится даже желудок. Сквозь едкую пыль пробивалась удушливая, тяжёлая вонь, исходившая от чудовищного водителя…

И ещё очень хотелось пить.

Ржавая коробка на колёсах громыхала по горным дорогам вот уже который час… собственно, счёт времени они просто потеряли. Вой мотора, лязг и скрежет адского транспортного средства исключали всякую возможность общения. Бензином и выхлопными газами, кстати, в машине не пахло, и сам истошный вой нимало не походил на звук работы добропорядочного двигателя внутреннего сгорания. Турбина? Однако в глубине души Алексей уже понимал – здесь иной мир, и законы, должно быть, несколько отличаются от мира живых. В том числе и физические. Так что вряд ли это турбина…

Несколько раз они проезжали мимо каких-то руин, поросших по верху странной травой – цвета запекающейся крови. За всё время путешествия не встретилось ни клочка обработанной земли, ни пятна зелени. Только раз машина проехала мимо места, носившего признаки обитаемости. Вот только признаки эти были чересчур уж зловещими. Если бы

не отсутствие колючей проволоки и пулемётов на вышках, Алексей готов был присягнуть, что это концлагерь. Ну или колония строгого режима… во всяком случае, добровольно люди в таких местах никогда не живут.

Лежавший у дороги скелет какого-то зубастого зверя величиной с лошадь – прекрасно сохранившийся, кстати – вдруг приподнял свой череп на длинной костлявой шее, провожая взглядом адский автобус, и в глазницах его затлели отчётливые рубиновые огни. Алексей судорожно сглотнул. Да уж… Когда-то, очень давно, в детстве, он мечтал в своих детских фантазиях – вот бы и вправду попасть в сказку! «Будь осторожней в мечтах своих, человек – ибо мечты те могут исполниться»…

Автобус между тем въехал на длинный железный мост, и бывший сержант даже замотал головой от удивления. Он узнал это место. Ну конечно, вон он, афганский посёлок Хайратон, а на той стороне – советский город Термез… А под мостом несёт свои воды Пяндж, пограничная река… Как же это?!

Прогромыхав по мосту, адский рыдван остановился возле такого знакомого пограничного поста. Знакомого, да не совсем… Облупленные стены, грязные тусклые окна, ободранная дверь – никакой начальник заставы не довёл бы здание до столь неприглядного состояния. И не развевался на ветру алый государственный флаг…

А там, где надлежало быть полосатым столбам, с при-

битыми наверху гербами, стояли изваяния каких-то жутких химер, с перепончатыми крыльями и ощеренными в ухмылке клыкастыми пастями.

Хлопнула дверь, и на пороге здания возникла фигура, здорово напоминающая гибрид средневекового рыцаря, закованного в доспехи от макушки до пят, с роботом из какого-то Дворца пионеров – сходство с последним навевала квадратная голова, больше похожая на миниатюрный сейф с встроенными глазками телекамер.

– Успеха в делах, господин Железный Голем, – проурчал монстр-водитель.

– Привёз?

– Как положено. Свеженькие…

Чудовище за рулём мечтательно втянуло воздух через хобот. Между тем господин Железный Голем с лязгом поднялся в салон и принялся внимательно разглядывать пассажиров.

– Который наш?

– Вот этот, господин Железный Голем.

Роботообразный монстр подошёл к указанному – это оказался один из экс-моджахедов – протянул руку и ощупал беззащитное тело пальцами, больше похожими на обрубки бронешланга, в кои упрятывают провода при прокладке.

– Прямо как живой. И сердце бьётся…

– Сам не могу спокойно смотреть, господин Железный Голем.

– Двести сорок восемь – тринадцать – одиннадцать! – громко, словно через мегафон, проорал Голем. – Подойти к машине!

– Где ваша великолепная голова, господин Железный Голем? – помахивая хоботом, почтительно осведомился шофёр. – И всё остальное…

– Э… Проигрался этим тварям, – проскрежетал Голем. – Хламиду, эрцхаор… Голову пришлось поставить на кон. Думал, отыграюсь.

– Бывает, – согласился монстр за рулём.

В салон между тем проник новый персонаж, здорово напоминающий грубо раскрашенную гипсовую статую или глиняный манекен.

– Вызывали, о мой господин?

– Да. Забирай этого и препроводи в блок для новеньких. Сдашь лично.

– Я понял, о мой господин!

– Передавай моё почтение господину Золотому Голему, – проурчал водила.

– Чего дашь? – деловито осведомился глиняный субъект.

– Хы? – монстр мотнул хоботом.

– Ты просишь об услуге. Услуга стоит…

– Иди! – перебил подчинённого Железный Голем.

– Да, о мой господин!

Керамический субъект деловито надел на жертву откуда-то взявшийся ошейник с цепью, оковы на руках и ногах

бывшего боевика разом отвалились, и глиняный монстр, топая, будто статуя Командора, поволок несчастного за собой – в точности так, как спешащая дама тянет за собой упрямую болонку на выгуле.

– Хаким! Абдалла! Все вы, прощайте! И вы прощайте, русские! – выкрикнул экс-моджахед, увлекаемый неумолимым конвоиром. – Я не хотел!.. Не думал, что всё будет так!.. Я раскаиваюсь, Аллах свидетель!!!

Хлёсткий удар бледной молнии прервал пламенную речь духа.

– Ты слышал, он уже раскаивается, – граммофонным голосом произнёс Железный Голем.

– Он ещё не вник, господин Железный Голем, – проурчал монстр-водила. – Вот когда он дойдёт до Агра, тогда и поймёт, что такое настоящее раскаянье…

– Он не остановится даже в Буствиче, – возразил монстр-робот. – Если он многократный убийца, его место в Шим-Биге. Бывал там?

– Нет, господин Железный Голем. Там слишком неуютно... даже нам, волграм.

– Ладно, это всё не по делу. Можешь ехать.

– А глиняшки у вас всё-таки крохоборы, господин Железный Голем, – водила с хрустом врубил передачу.

– Глиняные големы, они все такие, что ты хочешь… Мелкие твари и скребут по мелочи.

Железный монстр вышел из автобуса, и адский транс-

порт возобновил свой путь. Алексей вглядывался в улицы первого советского города, встреченного на пути… Теперь уже невооружённым глазом было видно – город тот, да не тот… Термез, конечно, не Ташкент, и к жемчужинам мирового зодчества явно не относился. Однако такой унылой картины там, в мире живых, сержанту Горчакову видеть не доводилось. Ни единого зелёного пятна… Серые, чахлые кусты, изредка попадавшиеся на пути, выглядели бумажными, трава под глиняными заборами-дувалами – словно мочалка… Пара голых скелетов деревьев, тянущих к белёсому небу кривые сучья без коры, пейзаж никак не оживляли. И ни ребятишек, ни единой кошки или даже бродячей дворняжки. Мёртвый город… город мёртвых.

Между тем небо постепенно утрачивало белёсый цвет, наливаясь багровым, отчего на глазах приобретало сходство с сырым мясом. Похоже, первый бесконечный день в аду заканчивался.

Тюремный автобус, завывая и скрежеща, втянулся в ворота какого-то строения, огороженного высоким забором.

– Эй! – трубно возопил монстр-водила, едва заглушив мотор. – Принимай постояльцев!

Стоявший рядом Сашко гулко сглотнул, кто-то из экс-моджахедов забормотал молитву. Ибо то, что возникло на пороге строения, могло явиться нормальному человеку разве что в самом глубоком кошмаре.

Двухметровая багрово-красная гусеница, напоминающая

какой-то жутко извращённый фаллический символ и имеющая на верхнем конце шесть чёрных, будто бы оторванных от негритят детских ручек плюс голову какого-то отвратительного урода-дауна, лысую и лопоухую, встала свечкой на пороге строения.

– А, это ты… Свежатинку везёшь?

– Так точно. Давай, куда их… Ночь наступает, сам понимаешь – можно не уберечь. Много их ночами бродит, любителей.

– В цистерну, куда ещё… Двигай за мной!

Кошмарная гусеница двинулась вперёд, меряя двор своим телом, и Алексей вдруг ощутил, что руки и ноги свободны. Рядом зашевелились другие узники.

– Выходите, быстро! – проревел монстр-водила, шевеля щупальцами.

Окончательно деморализованные узники, дрожа, потянулись из автобуса.

– Старшой… вот это попали мы, похоже… – прохрипел Толян.

– Ребята… давайте вместе как-то держаться… – у Артура тряслась челюсть.

Алексей криво усмехнулся.

– Не поняли вы, мужики… Вот этого моджахеда тут оставили.

– Ну и?

– Вот вам и «ну и»… По одному нас раскидают, похоже.

– Давайте сюда! – монстр-гусеница вновь встал свечкой. Из земли виднелась горловина какого-то люка. Похоже, в том, верхнем мире тут было бензохранилище, мелькнула в голове Алексея мимолётная мысль.

Один за другим духи-узники ныряли в люк, спускаясь по приваренной внутренней лесенке. Монстр-гусеница нервно облизнулся.

– Эх… какие сочные… Хоть бы одного, а? Хоть бы небольшой гаввах…

– А то я не хочу! – прорычал монстр-водила. – Однако Великий Игва два раза не шутит. Так что сам сегодня на люке спать буду, а развезу всех целенькими куда велено!

Внутри цистерны было темно и душно. Алексей хотел было перетолковать с товарищами, обсудить впечатления и сложившееся положение – судя по всему, весьма и весьма хреновое… Но не смог. Сознание вдруг померкло, и узники, сбившись в кучу, точно овцы в загоне, повалились где стояли, разом погрузившись в чёрный, без сновидений сон…

* * *

Музыка, игравшая где-то за стеной, наконец смолкла, и наступила тишина.

Весь дом заснул. Марина глянула на часы – три ночи. Можно ли звонить сейчас? Приличные люди в такое время спят, и уж всяко не беспокоят других звонками в эту пору…

Девушка беззвучно рассмеялась. Так то приличные люди… Применимо ли уже сие понятие к мадмуазель Костровой? Сомнительно. Все эти понятия остались там, по ту сторону… В прошлой жизни.

Было сказано прямо и недвусмысленно: «как только будешь готова, позвони по данному номеру». Номер – вот он.

И она готова.

Марина бесшумно соскользнула с постели, плотнее прикрыла дверь своей спальни. Села возле стола, неотрывно глядя на телефон. В памяти вновь всплыло – длинные трескучие очереди в упор, прямо в душу… Нет, сейчас мирно спящая пластмассовая игрушка ничем не напоминала пулемёт.

Скорее адскую машину, вновь услужливо подсунула нужный образ память. Не ошибиться… Господи, помоги!!!

Она осторожно сняла трубку, и машинка тотчас с готовностью отозвалась длинным занудным воем. Не отрывая взгляда от надписи на руке, девушка набрала первую цифру… вторую… третью…

Вместо коротких гудков, обозначающих неправильный набор номера, в трубке возникли странные, ни на что не похожие звуки. Нечто похожее Марина слышала однажды, когда отдыхала с родителями в Крыму, будучи ещё девчонкой. Эолова арфа, так, кажется, называли то устройство, что пело под воздействием ветра… Нет, не то. Электронный орган? Опять не совсем…

И снова память подсунула нужное слово – «музыка сфер».

Музыка разом оборвалась.

– Ну здравствуй, – отозвалась трубка знакомым голосом. Сердце Марины теперь стучало почти как швейная машинка.

– Это я…

Короткий смешок.

– А то я не догадалась.

Марина сглотнула.

– Я готова.

Пауза.

– Уверена?

И снова у Марины возникло то же неясное ощущение – как будто её голову просвечивает невидимый рентгеновский аппарат.

– Да.

– Хорошо. Завтра, в полдень, в том же сквере. Найдёшь?

– Конечно… Спасибо вам. И извините.

Никогда раньше Марина не предполагала, что телефонная трубка может передавать улыбку. Однако ощущение было явственным.

– Извиняться тебе не за что, а благодарить пока рано. Да, вот ещё… Конечно, это перестраховка, но всё-таки на будущее – выбирай для подобных звонков другое время. Во всяком случае не час Быка, когда Зло имеет над Энрофом наибольшую власть. А лучше всего при свете солнца. До завтра!

Трубка наконец-то разразилась нормальными короткими

гудками. Разговор окончен…

* * *

Какой сейчас день? И есть ли здесь, в этом мире, хоть какой-нибудь календарь?

Адский автобус колесил по серым безжизненным пространствам, пассажиры то рассасывались, то вновь наполняли его ржавое нутро. Голые и растерянные, они порой ничего не понимали, порой о чём-то догадывались… С некоторыми случалась истерика – как, например, с тем совсем ещё молоденьким парнишкой, лет пятнадцати от силы. Парень покончил жизнь самоубийством из-за неразделённой любви, и никак не предполагал, что попадет в такое место, где и сами-то страдания молодого Вертера окажутся, мягко сказать, неуместны…

Жажда, мучившая весь первый день и ставшая было нестерпимой на второй, на третий день пребывания в Скривнусе внезапно ослабла, и только тогда им впервые дали напиться. Вода в канаве была довольно мутной, однако никакой другой им не предложили. Помня о неудачной попытке зачерпнуть воды там, в мире живых, бывший сержант опустил в поток руку… Но ничего особенного не произошло – вода послушно наполнила ладонь. И на вкус ничем таким не отличалась – примерно как многократно прокипячённая в ржавом чайнике. Очевидно, здешняя вода вполне соответ-

ствовала по плотности их «эфирным телам» – или что там у покойников имеется – в отличие от воды живого мира.

Один за другим исчезли его боевые товарищи, те, с кем принял он тот самый последний бой… Алексей измученно улыбнулся при воспоминании о них. Прощайте, ребята… Надо сказать, бывшие бойцы Советской Армии вели себя вполне достойно, без истерик покидая сей катафалк. Все уже поняли общий принцип здешней «кадровой политики» – обязательно раскидывать любой коллектив или даже временную компанию, кою угораздило скопом оказаться в Скривнусе, по разным местам. Очевидно, местным владыкам претила сама мысль о возможности человеческих отношений…

Время от времени навстречу попадался редкий автотранспорт, весьма схожий по виду и содержанию с автобусом, в коем везли бывшего сержанта Горчакова. Грузовики с решётчатым верхом, большегрузные фуры и автобусы перевозили один и тот же груз – голых людей… или правильней будет говорить духов?

Один раз Алексей увидел поезд, влекомый паровозом – точно из кинохроники времён Отечественной войны. Паровоз изрыгал клубы белёсого пара, однако дымного шлейфа за ним не наблюдалось. Очевидно, как и автобус, в котором катался бывший сержант, паровоз вместо горючего топлива использовал для движения какой-то необычный вид энергии.

Какой именно, Алексея уже не интересовало. Да хоть вечный двигатель – какая разница? Последнее предположение, кстати, имело под собой веские основания, поскольку за всё время вояжа Горчаков не заметил ни малейших признаков каких-либо заправок.

И только на какой-то железнодорожной станции, как всё в Скривнусе, ободранной и серой, Алексея пробрала дрожь – когда он увидел, какой груз везут вагоны, крытые ржавым рифлёным железом – примерно в таких в мире живых возят мороженую рыбу или мясные туши. Голые женщины всех возрастов, но преимущественно пожилые и совсем старые, стояли вплотную, как сельди в бочке, с поднятыми вверх руками, удерживаемые какими-то щупальцами. Монстр, похожий на гигантского богомола, как раз извлекал из вагона молодую девушку, пытающуюся дрыгаться и визжать. Миг – и откатная железная дверь вагона с лязгом встала на место, скрыв от посторонних глаз живой груз.

Каждый раз, когда небо вместо привычной серости начинало багроветь, приобретая цвет сырого мяса, водитель-монстр (как успел уяснить Алексей, подобных тварей здесь называли волграми) загонял свою колымагу в попутный «населённый пункт», и пленников до утра упрятывали в железную цистерну, или какой-нибудь бункер для цемента, или даже огромную трубу, заваренную с одного конца и снабжённую люком с другого. Было очевидно, что их водитель-волгр мучительно желает человечьего тела, однако

страх перед гневом неведомого Великого Игвы пересиливал, и монстр, утробно пыхтя, каждый раз укладывался на ночлег возле люка, на манер собаки у дверей – верно, для защиты вверенного груза от посягательств неведомых ночных тварей. И каждый раз, как только угасало багровое свечение неба, узники проваливались в беспробудный, холодный сон, подобный смерти…

Автобус остановился, выводя бывшего сержанта из потока полувоспоминаний-полубреда. По сторонам щерились знакомые каменные статуи, изображающие крылатых химер. Чуть дальше виднелся грязный бетонный куб – по всей видимости, в том, плотном мире здесь располагался дорожный пост ГАИ…

Впереди расстилался громадный город. Серый, как всё в этом мире, он тянулся, насколько хватало глаз, громоздясь коробами строений. Где-то на горизонте, невидимая за нагромождением зданий, угадывалась большая река.

А ещё дальше, на горизонте, призрачно белели сахарно-снежные отроги, точно там располагался колоссальный айсберг.

Алексей нервно облизнул губы. Он узнал, узнал это место. Там, в прошлой жизни, он назывался город Куйбышев. А вон там, это же Жигулёвские горы… но отчего такие белые?

Между тем от поста уже приближалась серо-стальная фигура. Только у этого стража с головой было всё в порядке, отчего напоминал он больше не помесь музейного рыцаря

с роботом из Дворца пионеров, а нормальный чугунный памятник. В довершение картины железный страж был закутан в обширную шёлковую шаль со стеклярусом.

– Успеха в делах, господин Железный Голем, – утробным басом поприветствовал монстр-водила подошедшего.

– Свежатинка? – осведомился страж, разглядывая груз эмалевыми немигающими глазами.

– Так точно.

– И все сюда?

– Почти. Соморра – город большой… Как тут обстановка, господин Железный Голем?

– Как обычно.

– Всё спокойно?

– Ну какой может быть покой, когда рядом ЭТО?

– Да уж… – проурчал монстр-водила. – Страшное место. Но, говорят, ночью всё-таки можно?..

– Кто говорит? – в жестяном голосе голема послышалось раздражение. – Может, и можно… но только один раз. А уж днём… Ты ангела видел хоть раз вблизи?

– С нами мощь Великих Игв! – волгр всеми тремя лапами-щупальцами изобразил в воздухе некий охранительный знак. – Не видел и не стремлюсь.

– Правильно мыслишь. Ладно, к делу. Дорогу найдёшь, или дать провожатого?

– Не беспокойтесь, господин Железный Голем. Найду, не первый раз.

– Проезжай.

Монстр-водила с хрустом врубил передачу, мотор взвыл, и ржавая колымага въехала в пределы города Соморры. И снова всплыло откуда-то из памяти: «тень города и город теней»…

Алексей уже привык к тому, что на улицах поселений мертвецов не бывает не то что гуляющих прохожих – вообще никаких людей. То, что изредка всё же встречалось на пустынных улицах, людьми никак не являлось. В самом лучшем случае это были глиняные големы – как уже понял Горчаков, одни из наиболее безобидных обитателей Скривнуса.

Автобус между тем подкатил к железным воротам, до чрезвычайности напоминавшим проходную какого-то завода. Из калитки выдвинулся глиняный голем, раскрашенный пёстро и аляповато, точно сувенирная матрёшка.

– Чего везёшь?

– А то сам не видишь? – проурчал монстр-водила, опустив приветствие. Очевидно, к фаянсовым ходячим статуям, в отличие от железных, волгры не питали достаточного почтения.

– Ага, – керамический вахтёр заглянул в салон. – Годится. Проезжай!

Ворота дрогнули и поползли в сторону, освобождая путь. Мотор вновь истошно завыл, и адская колымага въехала на территорию потустороннего предприятия.

Угрюмые серые туши заводских корпусов уходили ку-

да-то в перспективу. В разительном контрасте с этой монотонной серостью находилось лишь одно здание, сиявшее полированным кроваво-красным гранитом. На фронтоне «заводоуправления» таращились какие-то жуткие ритуальные маски вуду, высокое крыльцо украшали две непременные крылатые химеры, злобно скалившие клыкастые пасти. К этом крыльцу и подкатил адский автобус.

Ждать пришлось не так уж долго. Стеклянные створки высоких дверей распахнулись, пара глиняных големов встала по обеим сторонам, несколько мелких, голых и пятнистых хвостатых тварей, в которых даже закоренелый атеист без труда признал бы чертей, споро раскатали кроваво-красную ковровую дорожку. И наконец на свет явилась фигура, более всего напоминавшая золотую статую какого-то Рамзеса, со всеми причиндалами и атрибутами – даже фартук из гофрированного золотого листа имел место, громыхая на каждом шагу.

– Успеха вам в делах и всяческого благополучия, господин Золотой Голем! – монстр-водила плюхнулся на колени, ловко подогнув все три нижних конечности. – Привёз, согласно вашему заказу! В целости и сохранности!

– Все свежие или есть б/у? – голос золотого монстра напоминал голос старинного диктора Левитана, искажённый рупором громкоговорителя.

– Никак нет! Только свежатинка!

– Хорошо. Пожалуй, ты достоин награды. Сегодня у нас

будет большой гаввах. Можешь развлечься.

– О! Да пребудет с вами милость Великого Игвы, господин Золотой Голем! – волгр в возбуждении шевелил хоботом-пиявкой. – Гаввах со списанием?

– Ну, ну! – осадил его золотой истукан. – Списание тоже будет, но не про тебя. С тебя достаточно и просто гавваха. Или ты недоволен?

– Никак нет! Доволен, да пребудет с вами милость Великого Игвы!

Дальнейшего разговора бывший сержант не услышал. Путы, удерживавшие руки и ноги всю дорогу, разом ослабели. Керамический истукан надел Алексею ошейник и потянул за собой, точно болонку на цепочке.

* * *

За время отсутствия Марины в знакомом скверике произошли серьёзные перемены к лучшему. Дорожки, в прошлый раз сплошь заваленные палыми листьями, были чисто выметены – очевидно, дворник всё-таки нашёлся. И вместо жалких останков скамейки сияла свежей зелёной краской новая и крепкая лавочка с удобной спинкой.

Марина села на лавку, невольно чувствуя нервный озноб. Ну где же она?..

Ждать пришлось совсем недолго. Послышалось тарахтенье мотора, и на аллейке показался горбатый «запорожец»,

выкрашенный в ярко-алый цвет. Более того, на корпусе редкого авто темнели нарисованные круглые пятна – ни дать ни взять «божья коровка», забавный жучок. Аппарат остановился возле скамьи, дверца широко распахнулась, и из недр микролитражки вышла госпожа волшебница. На сей раз одета она была не в пример эффектнее – прямо-таки леди в белом элегантном пальто и белых же сапожках. Или Снегурочка из сказки, это уж на чей вкус как…

– Спасибо, Стасик, – мило улыбаясь, дама кивнула водителю. Да, и с возрастом Марина в тот раз ошиблась, пожалуй… Нет ей даже и тридцати, никак нет.

– Для вас, матушка, всегда и сколько угодно! – водитель, очкастый парень в потрёпанной болоневой куртке и пятнистых брюках, явно от какого-то десантного камуфляжа, улыбался так открыто и радостно, что Марина невольно улыбнулась в ответ.

– Пока-пока! – дама с улыбкой помахала парню рукой в белой перчатке. Реликтовый механизм затарахтел, пустил струю сизого едкого дыма и исчез из виду.

– Ну здравствуй, Марина свет Борисовна, – волшебница обернулась к девушке, зажавшейся на скамье.

– Здравствуйте… – Марина замялась. Она так и не узнало пока имени незнакомки.

– Ты можешь звать меня просто Элора. Или матушка Элора, если воспитание позволяет. Или даже госпожа Элора, хотя я не очень жалую последнее обращение.

Дама рассмеялась, демонстрируя великолепные белоснежные зубы.

– Только, пожалуйста, не нужно величать меня «товарищ Элора». У меня от этого обращения делается мигрень.

– Да… Элора, – Марина смятенно улыбнулась.

– Что-то ещё не так? – волшебница пристально вгляделась в глаза девушке, и вновь у Марины возникло ощущение, что её просвечивает невидимый рентгеновский аппарат. – Ах, это… Стасик – очень славный мальчик, и страстно желал подвезти меня на своём смешном авто, которым гордится. Ну, я и не сочла возможным без нужды огорчать… Однако перейдём к твоим делам.

Элора откинулась на спинку скамьи, закинула ногу на ногу, легонько покачивая сапожком.

– Значит, говоришь, дозрела?

– Да, – как можно твёрже ответила Марина, глядя волшебнице прямо в глаза.

– Но ты не знаешь цены.

– Её назовёте вы.

И снова, как в прошлый раз, взгляд Элоры ушёл куда-то вглубь себя.

– Что ж… – медленно, задумчиво произнесла она. – Возможно, ты и в самом деле готова… Только ответь прежде на один вопрос. В чём смысл жизни?

Странно, но этот глобальный вопрос не вызвал у Марины ни малейшего удивления.

– Я хочу любить и быть любимой. Раз и навсегда. А всё остальное детали.

В глазах волшебницы зажглись озорные огоньки.

– А как же дети?

– А дети будут. Столько, сколько сможем поднять… чтобы и они были счастливы.

Взгляд дамы окончательно потеплел. Какие всё-таки удивительные у неё глаза, пронеслось в голове у девушки… мудрые и в то же время ласковые…

– Ты права. Всё в точности так – а остальное детали. Что ж… Я готова рискнуть и помочь тебе в этом деле.

Элора перехватила Маринин взгляд.

– Не удивляйся. Конечно, ты рискуешь больше… но и я, скажем так, изрядно. И не только я, кстати.

На аллейке между тем появились двое. Мужчина в синей куртке с накинутым капюшоном, рослый и плечистый, с узким лицом, и мальчик лет примерно одиннадцати в пуховике и лыжных штанах, с выбивающимися из-под вязаной спортивной шапочки золотистыми кудряшками и совершенно очаровательной, какой-то даже кукольной мордашкой. Вот только спина мальчугана была слишком сутулой… сколиоз, куда родители смотрят, вот-вот у ребёнка горб образуется…

– Вот уж чего-чего, а сколиоз ему не грозит ни при каких обстоятельствах, – дама рассмеялась так заразительно, что Марина несмело улыбнулась в ответ. Она уже начала привы-

кать, что волшебница без особого труда читает даже не высказанные вслух мысли. – Познакомься. Это герр Йорген, это Агиэль…

– Можно просто Ага, – подал голос пацан. Голос у него тоже оказался под стать личику – совершенно очаровательный голосок с вплетёнными хрустальными и серебряными колокольчиками. – Я не обижаюсь.

– Ну вот видишь, – в глазах дамы плясали смешинки. – Не обижается он. Но лучше всё-таки Агиэль. Любит почёт потому что.

Дама обернулась к двоим.

– А это вот Марина.

– А мы уже в курсе, – скупо улыбнулся герр Йорген. Лицо у него было само воплощение мужественности и благородства – на икону, пожалуй, вряд ли, а вот на портрет средневекового рыцаря самое то. – Это ж Агиэль, матушка. Понимать надо.

– Ну вот такие у меня ребятишечки, – развела руками Элора. – Любопытные, просто сил нет… ничего утаить невозможно. Ладно. У меня ещё тут масса дел, так что оставляю Марину на ваше попечение. Введите в курс и вообще… До встречи в Олирне, Марина свет Борисовна!

Дама легко поднялась и зашагала к выходу из скверика, упругой летящей походкой, которую не под силу испортить никаким каблукам-шпилькам. Ошиблась, ох, снова ошиблась Марина насчёт возраста… Если и старше её госпожа

Элора, то совсем ненамного…

– А чего, мы тут сидеть будем? – подал голос мальчик. – Холодно, бррр… А пойдёмте в кафешку? Пирожных возьмём, какао со сливками…

– Он дело говорит, – вновь улыбнулся Йорген, – что, кстати, случается не столь уж часто. Пойдём, Марина, – и герр рыцарь галантно оттопырил локоть, дабы девушке удобно было цепляться. Тем самым, кстати, обозначая уровень общения – свои люди.

Уже выходя из скверика, Марина не удержалась и кинула взгляд через плечо. Дорожка, никогда не знавшая метлы дворника, была густо завалена палыми листьями, уже изрядно побуревшими от осенней непогоды. И возле голых облетевших кустов сиротливо притулилась древняя сломанная скамейка…

* * *

Станок с лязгом выплюнул в корзину свежезавитую пружину, и Алексей сунул в приёмное отверстие агрегата очередной пруток. Нажал обеими руками на большие красные кнопки, станок взвыл, и стальной прут пополз, исчезая в чреве машины.

Кругом выли, скрежетали и лязгали другие станки. Весь цех был наполнен гулом, так что вряд ли здесь можно было бы разговаривать, не наклонившись к уху собеседника. Впро-

чем, никто и не разговаривал. Отойти от станка не удавалось ни на минуту, а перерывов на обед призракам не полагалось. И даже по малой нужде – а как выяснилось, таковая небольшая слабость у призраков всё-таки имелась – можно было сходить лишь в нерабочее время, утром и вечером. Что касается нужды большой, то кто не ест, тот и не ср...т, как говорил великий Ленин.

Порядки на предприятии оказались весьма суровы. В первый же день Алексею выдали рабочую одежду, состоявшую из грубых брезентовых рукавиц, резиновых сапог и резинового же фартука, прикрывавшего от шеи до колен. И это было всё. Наверное, с точки зрения человека из мира живых страшно неудобно и унизительно было бы работать в таком виде, сверкая голым задом, однако Горчаков уже начал понемногу привыкать к диким порядкам Скривнуса. Очевидно, разнообразные унижения узников здесь были не только в порядке вещей, но и являлись отдельной, важной задачей.

Измождённый молчаливый мужчина средних лет, выглядевший так, словно вот-вот начнёт просвечивать, за неполный час обучил его всем премудростям обращения с пружинозавивочным станком, и бывший сержант начал свою нелёгкую трудовую вахту.

Фаянсовые истуканы, вооружённые хлыстами, циркулировали по проходам, следя за неукоснительным соблюдением трудовой дисциплины, и немало работников носили на заду и ляжках характерные полосы. Трудовой день длился

от рассвета до заката. После окончания смены, возвещаемой заводским гудком, все брели в души, где получали возможность не только смыть с себя грязь, но и вдоволь напиться пахнущей ржавчиной и затхлостью воды. Затем можно было облегчиться по-маленькому, благо рядом находилась сточная канавка, обмазанная бетоном, по дну которой протекал чахлый ручеёк. Все прочие излишества, как то ужин, тем более завтрак-обед или, к примеру, постельное бельё, здесь отсутствовали напрочь. После душа рабочие брели в спальные секции, расположенные в этом же цехе, в пристрое. Эти спальные секции, кстати, по комфортабельности оставляли позади даже знаменитые тюремные нары-шконки. Скорее они напоминали камеру хранения для крупного багажа – трёхэтажные железные стеллажи с коробами-ячейками. В каждой ячейке ночевала единица рабсилы. Под надзором всё тех же глиняных големов рабочие забирались в короба – кто в какой успеет – и до утра проваливались в чёрный, без сновидений сон.

Ещё одна пружина с лязгом скатилась в корзину, и Горчаков совсем было собрался сунуть в приёмное отверстие механизма новый пруток, но в этот момент раздался натужный рёв заводского гудка, означавший конец смены. Народ зашевелился, с видимым облегчением оставляя рабочие места, станки, которые с каждым днём всё более напоминали бывшему сержанту орудия пытки, останавливались, замирая до завтрашнего утра.

Бредя в толпе хмурых перемазанных работяг, Алексей разглядывал чужие, замкнувшиеся в себе лица и думал. Подумать действительно было о чём. Вот уже сколько дней он работает тут… кстати, сколько?.. но так и не познакомился ни с одним из товарищей по несчастью. Даже имя того измождённого наставника, что обучал его премудростям обращения со станком, он не узнал – рядом памятником торчал глиняный голем, и наставник вовсе не горел желанием пообщаться. У Горчакова даже сложилось ощущение, что ему вообще уже всё равно. Там, в мире живых, такое состояние обычно называли «скорее бы сдохнуть»… Вот интересно, можно ли отнести этот афоризм к обитателям Скривнуса? Души человечьи, насколько помнил Алексей, должны быть бессмертны…

– Слышь, парень… – раздался над ухом негромкий голос, – ты только не оглядывайся… В душе переговорим, если не против…

Не оборачиваясь, Алексей кивнул. Керамический истукан, таращившийся на узников эмалевыми глазами, даже не шелохнулся. Не заметил?

В душевой было тепло и сыро, под высоким, покрытым пятнами плесени потолком плавал туман, отчего длинные трубки светильников, испускающие мертвенно-голубоватый свет, казались окутанными бледным сиянием. Скинув в общую кучу жалкое подобие рабочей одежды, Горчаков нырнул в моечное отделение. Это, кстати, было ещё од-

ной особенностью местных порядков – назавтра голем-гардеробщик раздаст безразмерные резиновые сапоги, фартуки и рабочие рукавицы всем без разбору. Словно подчёркивая – ты не имеешь здесь ничего своего. Даже брезентовых рукавиц…

Ржавые лейки душа лениво исторгали тёплую воду. Встав под вялые струйки, Алексей первым делом напился, раскрыв рот и жадно глотая пахнущую ржавчиной воду, и наконец оглянулся, ища глазами того, кто осмелился заговорить с ним.

– Ты не оглядывайся, – невысокий жилистый парень лет под тридцать, стоявший рядом, старательно тёр голову ладонями (мыла в здешних краях работягам, как уже понял Алексей, не полагалось). – Новенький?

– Как посмотреть, – криво усмехнулся бывший сержант. Лично ему казалось, будто он уже провёл в этом Скривнусе целую вечность.

– Да чего смотреть, – хмыкнул парень, – видно на глаз… Не обломали ещё тебя.

– А тебя? – не удержался Горчаков.

– А меня Жека зовут, – собеседник старательно тёр себя под мышками.

– Алексей, – помедлив, сообщил Горчаков.

– Лёха, стало быть… Ты вот что, Лёха… Лезь в первую попавшуюся ячейку, лишь бы не с краю и непременно в среднем ряду. Остальное беру на себя.

– Лады, – подобрался бывший сержант. Похоже, разговор действительно будет интересным.

Душевые рожки разом прекратили исторгать воду, заурчали утробно.

– Всем на выход! – проревел фаянсовый истукан.

* * *

Солнечные лучи отражались от полировки стола, отчего на потолке дрожали размытые солнечные зайчики. Марина ещё раз огляделась – надо же, какая уютная кафешка… и ни одного пьяного…

– Да, для Нуль-Москвы вполне ничего, – согласился с невысказанной мыслью Йорген. Марина уже успела понять, что эти двое читают мысли в её голове столь же свободно, как она сама субтитры, ползущие по экрану телевизора. Странно, но удивления не было. После всего уже увиденного… какие мелочи, право!

– Это вовсе не мелочи, – Агиэль уплетал пирожные с заварным кремом, запивая горячим какао из обычного гранёного стакана. – Тебе тоже предстоит научиться.

– Я готова, – девушка слабо улыбнулась, отставив чашку кофе со сливками, заказанную для неё Йоргеном.

– Ну не сейчас же, – герр рыцарь улыбнулся в ответ, отпивая свой кофе – чёрный, как гудрон – мелкими глотками. Улыбка у него была примечательная, кстати – мужественное,

даже где-то суровое лицо словно озарялось изнутри потаённым светом. Одной такой улыбки в сочетании с прочими внешними данными будет довольно, чтобы как минимум половина студенток их альма-матер пошли за этим мужчиной хоть в воду, как крысы за неким гаммельнским крысоловом, промелькнула в голове Марины посторонняя мысль…

– Что ты знаешь о мире? – внезапно спросил Йорген.

– В смысле? – Марина захлопала глазами.

– Его интересует космогоническая картина мира, как ты её себе представляешь, – тоном доцента заявил Агиэль, смачно откусывая от следующего пирожного изрядный кусок.

Девушка вздохнула. Ну что ж… В чужую игру со своими правилами не лезут. Раз надо, значит, надо. В конце концов, внезапный экзамен – родной брат студенческой сессии…

– Наш мир образовался в результате Большого Взрыва, – неизвестно отчего Марина решила начать с глобального. Йорген и Агиэль переглянулись.

– Ну, так оно и было.

– Во-от… В результате этого взрыва образовались галактики, а в них звёзды. А у звёзд планеты…

Мальчик прыснул смехом, мужчина улыбнулся.

– Всё это, безусловно, очень интересно. И абсолютно бесспорно. Как таблица умножения. Но сейчас речь зашла о другом…

– Йорик, позволь мне, – Агиэль провёл ладонью над сто-

лом, и на гладкой полированной поверхности возник из ничего лист белой бумаги. Следующим движением мальчик извлёк из воздуха семицветную шариковую авторучку.

– Вот смотри, – рука Агиэля летала, споро расчерчивая бумагу цветными линиями. Рисунок здорово напомнил Марине схему электронных уровней в атоме, кою не так давно пришлось изучать. – Вот это Энроф, или, если тебе так понятней, Плотный мир. Нулевой уровень, он же основной.

Марина кивнула, принимая к сведению. Энроф так Энроф, но можно и Плотный мир. А также нулевой, он же основной уровень. Понятно, как теорема Ферма, она же Пифагора…

Мальчик снова прыснул смехом, в глазах плясали озорные искорки, и опять Марина не удержалась – улыбнулась в ответ. Если суровое лицо Йоргена улыбка красила необычайно, то и без того очаровательная мордашка Агиэля в данном случае могла вызвать у любой нормальной женщины – если она не совсем уже конченная стерва, начисто лишённая материнских инстинктов – острое желание обнять, прижать к сердцу и расцеловать… Мне хорошо с ними, вдруг осознала она. Мне с ними хорошо и спокойно – впервые с того страшного дня… И всё у нас получится.

Они улыбались ей, мальчик и мужчина. И она улыбалась в ответ.

– Ты нам тоже понравилась, Марина, – ладонь Йоргена накрыла её собственную. – Элора не ошибается в выборе. И

ты права – всё у нас должно получиться.

* * *

Железный короб источал холод, проникавший, казалось, до самых печёнок. Потолок ячейки был покрыт тонким слоем ржавчины, однако стенки в нижней части и пол отполированы до блеска телами узников. Сколько их было здесь до него? И куда вообще деваются из этого клоповника души, по идее бессмертные? То, что они не пребывают здесь вечно, Алексею было ясно с самого начала – иначе адскому предприятию не требовалось бы пополнение…

– Лёха… – прозвучал совсем рядом громкий шёпот. Горчаков оглядел своё узилище и обнаружил, что звук исходит из щели, образовавшейся на стыке кое-как приваренных друг к другу листов. Удивляться не приходилось – за всё время пребывания здесь бывший сержант привык, что окружающие вещи сработаны не то что без любви и старания, но откровенно «для врага», как называют такую работу русские люди.

– Слушаю, – приблизив губы к той же щели, еле слышно произнёс Алексей. Он заметно волновался – как-никак, а это был первый человеческий разговор, с того самого момента, как Горчаков оказался в этом вертепе.

– Ты вот что… Прежде всего, надо не уснуть, как свет погаснет… Повторяй за мной и запоминай… Наизусть за-

поминай, и всё время шепчи, покуда сон не одолеешь…

Голос в щели был тороплив и жарок. Алексей старательно повторял за ним слова заклинания-молитвы, стараясь намертво впечатать в память – неизвестно, удастся ли ещё поговорить и когда… Принудительный сон, как и принудительный труд, был ещё одним здешним проклятьем. Как только багровое небо, похожее на сырое мясо, чернело, все разом погружались в холодное небытие, точно под наркозом, чтобы утром так же одновременно проснуться и начать новый бессмысленный трудовой день.

«Наркоз» был уже тут как тут. Вязкая холодная темнота наваливалась, гася сознание. Алексей шептал и шептал слова молитвы… и всё погрузилось во мрак…

* * *

– … Вот так примерно обстоит дело в этом лучшем из миров. Если, конечно, до предела упростить.

Закончив краткую вводную лекцию по мироустройству-космогонии, Агиэль вновь приступил к блюду с пирожными, запивая их дымящимся какао – заботливая девушка-официантка успела повторить заказ.

Марина разглядывала лист, расчерченный цветными линиями. Подумать только… В школе этому не учат. И в «альма-матер» ничего похожего…

– Значит, здесь, совсем рядом, находится ещё одна

Москва? – Марина даже оглянулась, на предмет обнаружения второй Москвы, втиснутой в первую.

– И даже не одна, – чуть улыбнулся Йорген.

– И вот тут, прямо… стоит эта кафешка? А в ней я… и вы оба?

Агиэль снова фыркнул смехом. Удивительно, но выходило у него это вовсе необидно, без оттенка превосходства, обычно свойственного людям.

– Насчёт нас троих скажу твёрдое нет, – Йорген отхлебнул свой чёрный кофе. – Насчёт этой кафешки… не уверен. Слои Шаданакара вообще-то имеют сродство, но вовсе не стопроцентное совпадение. И с каждым следующим квантовым сдвигом расхождения увеличиваются.

– Угу… – мальчик уминал последнее пирожное. – В Олирне тут ещё много мест, которые можно узнать. Но уже в Ирольне ты Москву почти не узнаешь, тем более в Фэйре. А в Нэртисе, где Йорик живёт, её и Москвой даже не называют…

– А как называют? – Марина теперь хлопала глазами, как кукла Барби.

– Аэлла называют, – вновь улыбнулся Йорген. – Но мы отклонились.

– Йорик, я ещё хочу пироженок, – перебил Агиэль. Произнёс он это таким тихим, хрустальным голоском и с таким выражением мордашки, что у Марины мелькнула мысль: отказать такому чудесному мальчику невозможно, даже если

он попросит собеседника застрелиться.

– Достаточно, – пресёк поползновения Йорген.

– Ну Йорик… ну ладно, одну. А? – теперь умильность мордашки была такова, что Марина полезла за кошельком – это ж каким надо быть бессердечным жмотом, чтобы отказать ребёнку в крохотном невинном удовольствии…

– Ты злоупотребляешь, Ага, – герр рыцарь покачал головой.

– Не… – виновато вздохнул мальчик. – Не зло. Просто употребляю.

– Девушка, можно вас! – Йорген обернулся к проходящей мимо официантке, улыбнувшись своей светозарной улыбкой. Естественно, девушка тут же забыла, куда и зачем шла, и оказалась возле их столика. – Ещё три пирожных, пожалуйста.

– Йорик, ты настоящий друг! – просиял Агиэль. – И какао!

– Вообще-то я имел в виду, что нас здесь трое.

– Да ла-адно! Ты всё равно только кофе дуешь… а девушкам много сладкого вредно, вот…

– Когда-нибудь ты лопнешь, – укоризненно вздохнул рыцарь, едва официантка отошла. – Не обращай внимания, Марина. Ангелы все сладкоежки, но Агиэль у нас – это что-то особенное.

Слово, уже давно царапавшееся где-то в подсознании, наконец было произнесено вслух. Всё разом встало на свои ме-

ста. В том числе и сутулость Агиэля.

– Понимаешь, какое дело… – Ага, как и следовало ожидать, уловил мысли девушки. – Вообще-то в случае нужды можно пребывать в Энрофе в теле, совершенно неотличимом от человеческого. Но я очень не люблю лишаться крыльев. Да и маме Элоре лишние хлопоты.

– Однако время уходит, – Йорген залпом допил свой кофе. – Давайте ближе к делу. Задавай вопросы.

Марина подобралась. Нет, разумеется, она не забыла конечную цель. Ни на секунду. Просто эти двое подарили ей несколько минут покоя. Словно лекарство, снимающее на время боль… Теперь действие препарата кончалось.

– Где он сейчас?

– Очевидно, пока в Скривнусе, – лицо рыцаря отвердело. – Как долго он там пробудет… В известной мере это зависит от него самого.

– Что дальше?

– А дальше он попадёт в Ладреф. Как только погибнет в Скривнусе, – теперь было трудно представить, что это лицо способно улыбаться.

– Почему… погибнет? – Марина сглотнула ставшую вязкой слюну.

Йорген чуть покачал головой.

– Агиэль же объяснял… Каждая наша смерть, как и каждое рождение – всего лишь переход в иной слой Шаданакара. «Аще не умрешь – не воскреснешь», так, Ага?

– Воистину так, – тоном архиепископа изрёк Агиэль, поедая очередное пирожное.

– Ты представь наглядно, Марина, – рыцарь вертел в пальцах пустой стакан, – вот океан. На поверхности его кипит жизнь, озаряемая лучами солнца. Оно даёт жизненную энергию, и всё, что растёт и плавает, является его детищем. А в глубине этого света нет. И обитатели этих сумеречных и совсем уже беспросветных слоёв питаются только тем, что падает сверху. Так и Нижние миры. То, что остаётся после прекращения жизнедеятельности плотного тела – если пренебречь тонкими деталями, в первом приближении это называют душой – переходит в Нижние миры. И поскольку возможности восстановления жизненной энергии там отсутствуют полностью, в каждом из тех миров попавший туда обитает столько, насколько хватает запаса жизненной энергии. Потом умирает вновь и попадает в ещё более бедный мир. Аналогия с электроном, теряющим энергию на излучение и вследствие этого опускающимся на всё более низкие уровни, здесь довольно уместна. И только когда все узлы, что напутаны на карме, будут развязаны, освобождённая душа, словно воздушный пузырёк из глубины, устремится вверх. Чтобы всё начать сначала… в Энрофе.

Йорген жёстко усмехнулся.

– Ага тут не успел сказать… Всё в Нижних мирах, начиная со Скривнуса, приспособлено к наиболее эффективному выкачиванию жизненной энергии из оказавшихся там

несчастных. Заметь – не наиболее быстрому, а наиболее эффективному. Тебе, конечно же, известно понятие коэффициента полезного действия. Тут примерно то же самое. Методы самые разнообразные, применительно к местным условиям. Вся нежить, что хозяйничает в Нижних мирах, питается этой энергией. А мучения и страдания узников – наилучший способ выкачивания… И уж чего-чего, а страданий там хватает.

Марина сжала зубы, чтобы унять колотившую её нервную дрожь. Агиэль вздохнул и отложил последнее пирожное, к которому уже было примерился.

– Ты договаривай уже до конца, что ли… Марина… Алёша, он ведь не остановится ни в Скривнусе, ни в Ладрефе, ни в Мороде. Ни даже в Агре и Буствиче, хотя попасть туда не следует желать даже злейшему врагу. Его ждёт как минимум Рафаг. Если не Шим-Биг, что вернее.

Голосок, произнесший эти слова, оставался вроде бы прежним, однако тон был таков, что по спине девушки пополз ледяной холод.

– За что? – хриплым, севшим голосом спросила она.

Лицо рыцаря было печальным, но глаз он не отвёл.

– Он убийца. Он убил не одного и не двух. Убил не на пороге своего дома, защищая от неминуемой смерти родных и близких, которым уже не спастись бегством. Он убивал в чужой стране, куда его не звали.

– Он же не сам… его послали… интернациональный

долг…

– Глупости, – отмёл Йорген. – Пожалуйста, не повторяй больше подобную чушь. Никакого такого долга не существует.

– Каждый настоящий мужчина должен отслужить в армии… – Марина уже ощущала, что просто барахтается. – Он исполнял приказы!

Взгляд Йоргена стал острым и твёрдым, как клинок.

– Ну это его проблемы. Исполнение приказов ещё никому и никогда не служило смягчающим обстоятельством, не говоря уже об оправдании.

Марина молчала, кусая губы.

– Ты пойми, – уже мягче продолжил рыцарь, – вот, к примеру, люди прыгают с парашютом. Кто-то удачно приземлился, а у кого-то парашют не раскрылся… ну, бывает. Человек тот может ничего не знать о законе всемирного тяготения, и даже принципиально не признавать его. Однако участь несчастного от этого не изменится ни на йоту. Надо думать, прежде чем прыгать.

Он прав, вдруг поняла девушка. Он прав, полностью, окончательно и безусловно.

– Неужели ничего нельзя сделать? – теперь в её голосе сквозило отчаяние. Мальчик и мужчина переглянулись.

– А чего ради мы бы тогда тут сидели? – Агиэль задрал бровки.

– Значит, вы поможете Алёшке?

Они снова переглянулись.

– Ты как-то неправильно всё понимаешь… – вновь заговорил Йорген. – Что-то вроде «я заплачу адвокату, сколько потребуется, а уж он отмажет подсудимого».

– Ну, не буквально, но где-то примерно так, – подал реплику ангел.

Он вдруг подался вперёд. И ангельское личико в этот миг никто не рискнул бы назвать очаровательным и миловидным.

– Помочь ему можешь только ты. Мы же поможем тебе. И ты даже не представляешь, в какого масштаба процесс собираешься влезть.

– Так расскажите, – просто сказала Марина.

И вновь они переглянулись, рыцарь и ангел. Похоже, между ними происходит мысленная беседа, поняла девушка. Даже, пожалуй, яростная дискуссия…

– Я расскажу, – вслух сказал ангел, ставя точку в безмолвном споре.

– Агиэль…

– Я расскажу, Йорген. Всё равно она должна узнать – так почему не сейчас?

Он повернулся к Марине.

– Твой Алёша мог бы стать, скажем так, святым, случись всё иначе. Конечно, сейчас уже невозможно в деталях просмотреть, что было бы… жизненный путь в Энрофе достаточно длинный… Однако случилось так, как случилось. Он

не стал святым, а стал убийцей. И сорвался в Нижние миры. Что ж… Тот, кто берёт в руки оружие, чтобы убивать, должен быть готов к тому, что его тоже убьют, и не вправе обижаться.

Агиэль помолчал.

– То, что он должен был совершить в этой жизни, уже никогда не было бы совершено, и все возможности к этому были бы безвозвратно утрачены… Если бы не было такой девушки, Марины Борисовны Костровой, готовой ради возвращения погибшей любви заплатить любую цену.

Пауза.

– А цена та действительно очень велика, – теперь ангел говорил совсем тихо. – Самой, добровольно идти в Нижние миры… на такую глубину… такие муки…

Он поднял на Марину глаза, в которых стояли слёзы.

– Я никогда прежде не видел… будущей Девы Дождя.

– Тихо! – вдруг оборвал Йорген, подняв руку. Мальчик мгновенно замолк.

Рыцарь извлёк из-за пазухи кулон, чем-то напоминающий тот, который висел на груди волшебницы Элоры. Только крупнее, что ли, и цепь потолще – солидная золотая цепь…

– Я ничего не чувствую, – ангел смотрел тревожно.

– Странно… я тоже… – рыцарь задумчиво разглядывал кулон. – А ну-ка!

Он резко встал и стремительными шагами пересёк зал кафетерия. Марина даже не подозревала, что можно переме-

щаться с такой скоростью – через пару секунд Йорген уже стоял на крыльце заведения. Но было поздно. Чёрная «Волга» с тонированными стёклами, стоявшая на противоположной стороне улицы, сорвалась с места, визжа покрышками, стремительно набрала ход и исчезла из виду, скрывшись в потоке других машин.

Рыцарь вернулся к столу мрачнее тучи.

– Номер, конечно, запомнил, – явно отвечая на мысленный вопрос собеседника, произнёс он. – И даже ауру вроде как… Глупости всё это.

Йорген перевёл взгляд на Марину.

– Всё-таки не следовало тебе звонить именно в Час Быка.

* * *

Гудок заревел, возвещая окончание очередного рабочего дня. Одного из бесконечного ряда бессмысленно-тупых дней…

Двигаясь в угрюмой толпе, Горчаков исподволь искал глазами вчерашнего собеседника. Открыто озираться он опасался, поскольку уже усвоил, что эмалевые глаза глиняных истуканов видят вовсе не так мало, как может показаться на неискушённый взгляд. Не стоит подставлять себя и парня.

– Ну привет, что ли… – раздался из-за плеча знакомый голос.

– Привет, – не оборачиваясь, вполголоса ответил Алексей. – Не вышло. Извини.

– Бывает. Не с первого раза… В мойке я от тебя подале сегодня буду. Незачем глиняшек настораживать… А так – повторим…

– Понял.

Свалив в предбаннике в кучу обрыдшие сапоги, фартук и рукавицы, Горчаков поспешил в моечную, встав под первый попавшийся рожок. Повторим… Сегодня он не уснёт. Ни за что не уснёт. Хватит спать! Вопросов, накопившихся за время пребывания в Скривнусе, было ой как немало, и, возможно, по крайней мере на некоторые удастся пролить свет.

Однако всё случилось иначе.

– Всем на выход! – проревел глиняный голем, как обычно, едва душевые рожки перестали извергать пахнущую ржавчиной воду. Мокрая голая толпа повалила к выходу…

В длиннейшем широком коридоре, ведущем к спальной пристройке, стояло столько раскрашенных глиняных истуканов, что у Алексея зарябило в глазах. И среди этого сборища художественной керамики отсвечивали серо-стальным блеском железные големы – как уже понял бывший сержант, игравшие тут роль офицеров.

– Всем встать по центру коридора! – проревел жестяной голос. – Ноги шире плеч, руки на голову! Быстро, быстро!

Испуганные узники выстраивались цепью, принимая тре-

буемую позу. Хлёсткие бледные молнии электроразрядов подстёгивали колеблющихся и нерешительных. Что касается обычных хлыстов, коими были вооружены глиняные големы, то в ход их сегодня почему-то пускать не спешили.

– Все встали? Хорошо! – вновь проревел железный голем.

Что-то вдруг изменилось в мире. Алексей почувствовал, что всё его тело словно погружено в зыбучий песок. Песок этот, правда, не давил на грудь и дышать не мешал. Но ни одного движения сделать было невозможно.

А по коридору уже резво раскатывали рулоны ковровой дорожки пятнистые хвостатые черти – одна спереди, вторая позади шеренги узников, превращённых в статуи. И наконец в дверном проёме, больше напоминающем небольшие ворота, появилась знакомая золотая фигура, напоминающая изваяние какого-то Рамзеса.

– Успеха в делах и всяческого благополучия, господин Золотой Голем! – железный истукан, очевидно, командующий этим парадом, вытянулся по стойке «смирно».

– Всё готово? – осведомился истукан золотой.

– Так точно!

– Сколько здесь, напомни.

– Восемьдесят шесть, согласно списка!

«Рамзес» неспешно двинулся вдоль ряда, разглядывая голых узников, на теле которых ещё не просохли капли воды, с видом ценителя искусства, рассматривающего экспонаты Эрмитажа. Некоторые вызывали у золотого истукана ин-

терес, он обходил их вокруг, тщательно ощупывал мускулы и прочие места – точь-в-точь плантатор-рабовладелец, покупающий негров на рынке. И хотя Горчаков уже вроде бы притерпелся к порядкам Скривнуса, начал привыкать, у него в который раз возникло это ощущение – будто всё, с ним происходящее, дурной сон. Голые живые люди… ну пусть не совсем живые, но всё-таки люди… стоят, словно статуи, а ожившие статуи ходят и оценивают их. Мир, где всё вывернуто наизнанку…

– Какой плотненький! – один из мелких бесов, подвизающийся в свите господина золотого голема, без зазрения совести ощупал когтистой лапкой бёдра и ягодицы Горчакова.

– Свееееженький! – второй бес мял мошонку бывшего сержанта, повертев, заголил член. – Оторвём или откусим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.